

The background of the cover is an impressionist landscape painting. The upper portion shows a sky with thick, expressive brushstrokes in shades of blue, white, and light purple, suggesting a cloudy or overcast day. Below the sky, a dark, silhouetted horizon line separates the sky from a field. The lower portion of the image is a lush green field with scattered yellow and brown leaves or flowers, rendered with visible, textured brushwork. The overall style is characteristic of Impressionism, with a focus on light and color over fine detail.

Василий Лягоскин

Миллиарды для России

Первая книга о Серой
Мышке

Василий Лягошкин

**Миллиарды для России.
Первая книга о Серой Мышке**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Миллиарды для России. Первая книга о Серой Мышке /
В. И. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748885-7

Она была лучшей в самом секретном отделе службы безопасности страны. А потом не стало ни службы, ни страны. Семь долгих лет подполковник Наталья Крупина, она же Серая Мышка, прожила чужой жизнью, под чужим именем. До того самого дня, когда трое парней, которым в руки попало оружие, решили ограбить самый обычный электропоезд. Ту самую электричку, в которой ехала домой Серая Мышка...

ISBN 978-5-44-748885-7

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Электropоезд «Владимир – Мстера»	6
Глава 2. Рязанский областной специализированный детский дом	20
Глава 3. Подмосkовье	28
Глава 4. НаХабино. Подземный бункер	34
Глава 5. Ковров. Проходные завода имени Дегтярева	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Миллиарды для России
Первая книга о Серой Мышке
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Электропоезд «Владимир – Мстера» Мария Павлюченко, она же Наталья Крупина

Электричка привычно запаздывала, однако редкая толпа, растекшаяся по второй платформе станции Ковров-1, волновалась и глухо гудела совсем не по этой причине. Мария осторожно опустила тяжелую сумку на асфальт. Она автоматически фиксировала – совсем того не желая – как перекатываются, словно волны, от одного края платформы к другому одни и те же слова. А точнее – имена и фамилии:

– Ельцин, Черномырдин, Кириенко...

Фамилии эти сегодня награждались двух- и трехэтажными эпитетами особенно зло. Злиться народу было от чего. Застывшая в оцепенении, в ожидании еще более крупных неприятностей провинция льнула к телевизорам. А потом шумно обсуждала новости и московские разборки, со вкусом вставляя в бесконечные споры новое слово «дефолт».

Наконец этот самый дефолт упал на головы простого люда двойным и тройным повышением цен. Так что в августе одна тысяча девятьсот девяносто восьмого года дорогим россиянам в очередной раз предложили потуже затянуть пояса.

Мария Павлюченко стояла внешне абсолютно невозмутимо. Но сейчас и она едва сдерживалась, чтобы тоже не выmaterиться громко, на весь перрон. Еще утром в ее кошельке было пятьсот рублей. Деньги по нынешнему времени небольшие, но для Марии имевшие гораздо большую ценность, чем абстрактные миллионы и миллиарды, которыми россиян тоже развлекали с экранов телевизоров. Потому что этими рублями (пятьюстами, конечно, а не миллионами) был оплачен ее месячный труд. Попросту говоря – это была ее зарплата за июль, и сегодня она всю ее извела. Извела на продукты, так и не набив полностью одну большую сумку.

Город Павлюченко не любила. Точнее – опасалась поездок в Ковров. Чем многочисленней была толпа, окружавшая ее, тем большей была вероятность наткнуться на кого-нибудь из прошлого. Из той жизни, где она не была ни обычной женщиной средних лет, внешне замученной каждодневной работой, ни даже Марией Павлюченко. Поэтому в Ковров она ездила максимум два раза в месяц – в дни аванса и получки. О поездках дальше, во Владимир, а тем более в Москву, даже не помышляла.

– А зачем? – решила она уже давно раз и навсегда, – в Коврове магазинов тоже хватает. И товар здесь не намного беднее, чем в столице. А уж цены – как раз по моему кошельку.

В прошлую – июльскую – поездку сумка была гораздо тяжелее. Но и тогда Мария несла ее внешне очень легко. Подними ее тогда кто посторонний, он немало удивился бы силе этой такой хрупкой на вид женщины. Мария словно оглядела себя со стороны – да, она ничем не отличается от стоящих рядом теток и явно не страдает от избытка силы.

Совсем рядом с Марией опустила свои баулы женщина роста и объема громадного, обладавшая, как оказалось, высоким визгливым голосом. Она словно продолжала разговор с кем-то, хотя подошла на перрон одна.

– А рису-то, рису – совсем нет, – почти прокричала она плаксивым голосом перед собой.

На этот голос и вынырнул из толпы крепенький мужичок, рядом с теткой показавшийся ребенком. Он опустил увесистый рюкзак на асфальт рядом с теткими баулами и облегченно вздохнул.

– Ничего, – неожиданно густым басом прогудел он, – появится твой рис. Вот нарисуют новую цену – раза в три больше, и сразу появится.

Необъятная в талии женщина только вздохнула, заставив затрястись свои килограммы.

– Ну-ка, мамаша, дай на хрен пройти.

Эта привычная в здешних местах фраза в другое время заставила бы Марию улыбнуться. А потом задать – хотя бы себе, чтобы лишний раз не нарываться – вопрос:

– Куда-куда пройти?

Вместо этого Павлюченко на мгновение замерла, а затем неторопливо, совершенно естественно повернулась к обладателю громкого голоса. В те годы, о которых Мария запретила себе даже думать, ее учили читать голоса. Даже не сами слова, а интонацию, малейшие нюансы – ту информацию, что люди прячут между слов, сами того не замечая. Информацию, которая подчас говорила о человеке больше, чем слова, которые он произносил. Мария была таким знающим человеком. Можно было запрятать и от себя, и от других прошлое. Но то, что въелось в плоть и кровь, не вытравить – оно вылезет само, когда понадобится.

Она оглядела – спокойно, и как бы не заинтересованно – парня, который как раз отодвигал одной рукой тетку, хотя пройти мимо можно было и с одной, и с другой стороны платформы.

– Крутой, – определила она поначалу, но тут же поправилась, – нет – только ощущает себя крутым. Причем это ощущение пришло совсем недавно. Еще кружит голову. Что – деньги? Оружие? Скорее оружие.

Она остановилась на последнем варианте, и внутренний компьютер внутри, который анализировал окружающее пространство независимо от сознания – на уровне инстинктов – тут же согласился. Парень старался сдерживать рвущееся наружу ощущение собственной значимости, силы и вседозволенности. В то же время ему явно было не по себе; так чувствует себя ребенок, залезший без спроса в вещи отца. Парень словно бессознательно твердил себе:

– Отберут игрушку, да еще надают ремнем по заднице...

Тетка, а за ней мужичок поспешно подхватили свои баулы и отступили к самому краю платформы. Они даже не попытались огрызнуться, потому что за этим наглым мордатым качком остановились еще двое. Не такие крупные, но не менее нахальные. И тоже – подчеркнула для себя Мария – словно хмельные от открывшихся перед ними возможностей.

Павлюченко уже отметила, как старательно прижимают все трое под куртками что-то короткое, небольшое, но очень значимое для них. Им определенно казалось, что делают они это ловко и незаметно для других.

– Оружие, – теперь уже без всякого сомнения повторила она и... осталась на месте, замешкалась.

Не отступила вопреки вбиваемой в себя последние годы привычки держаться подальше от таких личностей. Хотя нога парня в тяжелом импортном башмаке уже замахнулась, чтобы снести с дороги ее сумку. Мария чуть заметно усмехнулась – в той сумке, куда нацелилась чужая нога, было килограммов двадцать пять. Поэтому от пинка она даже не шелохнулась. Однако внутри что-то жалобно звякнуло.

– Мед, – охнула Мария и сунулась к сумке, склонившись низко и удобно – для широкой ладони, которая тут же приготовилась хлопнуть с размаху по натянувшейся материи дешевых брюк.

– Леха! – предупреждая бросил один из его спутников.

Этот парень шагнул вперед, останавливая первого, хватая за локоть рукой – той, что не прижимала сейчас к другому боку оружие. Пока неведомое для Марии оружие. Это был не пистолет – его незачем прижимать к боку; не укороченный АКМ. Их в городе с началом чеченской кампании появилось много – чуть ли не у каждого милиционера. Но эта компактная и смертельно опасная игрушка не могла так удобно прижиматься к телам, практически скрываясь под куртками – какими бы широкими они не были. Чтобы так спрятать АКМ под мышкой, нужен немалый опыт, а его у молодых, но ранних явно не было.

Поэтому она, уже разгибаясь с тяжелой сумкой в руке, взмахнула другой – внешне неуклюже. По крайней мере так восприняли ее движение дружки Лехи. Сам Леха стоял вплот-

ную к Павлюченко и ее движения даже не заметил. Пальцы, такие обыкновенные на взгляд, но на самом деле тренированные и чувствительные, быстро пробежались по грубому коричневому кожезаменителю Лехиной турецкой куртки.

В следующее мгновение она уже отступила, нарочито согнувшись под тяжестью куртки. Отступила с испуганной и недоумевающей улыбкой на губах. Причем если испуг был наигранным, то недоумение поселилось не только на лице, но и внутри. Потому что опытная рука, скользнувшая по твердому металлу, нагретому под курткой – так, что накачанная Лехина плоть не ощутила ничего – определила почти невозможное. Невозможное для этого такого обычного перрона с толпой, поджидающей самую обычную электричку. Под курткой прятался не менее надежный и опасный, чем Калашников, но мало кому известный агрегат.

– Впрочем – разве может быть сейчас что-то невозможным, – задала она себе вопрос, – вот и мальчики раздобыли себе вместо игрушек пистолеты-пулеметы «Бизон».

Она машинально провожала взглядом бритые затылки парней, а мозг сам вспоминал и разворачивал перед глазами таблицу – технико-тактические данные оружия, которыми до сих пор оснащались лишь спецподразделения. Леха еще раз обернулся, нахально ощерился, и зашагал дальше, подталкиваемый крепкой рукой подельника. Тому было лет двадцать-двадцать два, но в этой маленькой группе он, очевидно, пользовался непререкаемым авторитетом.

Тихо свистнула электричка, предупреждая о своем прибытии, и только после этого диктор запоздало объявила на весь вокзал – на удивление чисто и четко:

– Электропоезд «Владимир – Мстера» прибывает ко второй платформе, – затем, практически без паузы, – по первому пути проходит грузовой поезд. Будьте осторожны!

Последнее объявление тоже несколько запоздало. Рев грузового состава нарастал и обрушился на платформу, когда электричка еще не остановилась. Ее двери, естественно, не открылись, пока хвост тяжелого состава не прогрохотал по стыкам рельсов.

Мария не сдвинулась с места, хотя до дверей пятого вагона было не больше трех метров. Рядом стояла все та же тетка необъятных габаритов и мужичок, опять приклеивший на лицо невозмутимое выражение. Большая часть пассажиров столпилась впереди – там, где из первых двух вагонов им было удобнее сходить на конечной станции. Самой Павлюченко нужно было проехать всего три остановки; там, напротив вывески «Гостюхино», как раз обычно и останавливался пятый вагон. Рядом с этой железнодорожной станцией вольготно расположились несколько жилых домов и контора Осиповского лесничества. Один из трех потемневших от времени бревенчатых домов и был пристанищем Марии в последние семь лет.

Она продолжала размышлять о том, какими неведомыми путями могло попасть некогда секретное оружие, разработанное для войск специального назначения, в руки накачанных недорослей. Наталья машинально подняла голову к окну вагона и едва смогла удержать на лице выражение равнодушия и легкого нетерпения. Глядевшего на нее сквозь пыльное окно человека она видела впервые в жизни. Но его взгляд, царапнувший почти физически, заставил тревогу, что уже поселилась внутри, заполнить тело и душу без остатка.

– Зверь, – обозвала она сразу же незнакомца.

Мария имела в виду сейчас не злобность этого нечем не примечательного на первый взгляд человека, а звериную сущность, неестественную способность предчувствовать неприятности, и еще более удивительный талант такие неприятности избегать. Павлюченко сама была такой, но в ней зверя было распознать намного труднее. А в ее нынешнем обличье – практически невозможно.

Она равнодушно отвела взгляд от окна и шагнула к открывшейся двери. Даже повернулась, так же невозмутимо проводив хвост грузового состава. И все это время она ощущала на себе этот липкий, пытающийся распознать потенциального врага, взгляд.

Пятый вагон был зримо разделен на две части. В большей – в передней части вагона – не очень громко кипела жизнь. Оттуда до остановившейся в дверях Марии доносились все

те же слова и фамилии, что уже надоели ей на перроне. Именно туда устремилась необъятная тетка со своими баулами, и ее хвостик – невозмутимый мужичок с рюкзаком. Она заполнила своей тушей проход так, что узлы ей пришлось нести впереди и позади себя. Мимо четверки, заполнившей вторую от заднего конца вагона пару сидений, тетка промчалась не останавливаясь. Поняла, наверное, что такие соседи могут быть очень неприятными. Мужичок послушно двинулся за ней.

Мария тоже сделала несколько шагов по проходу; вдруг остановилась – как раз рядом с этой четверкой – и заняла скамью через проход от нее. Еще вчера; даже сегодня утром она бы пробежала мимо, не останавливаясь. Более того, Мария даже не села бы в электричку, где уже находились три человека с оружием. В конце концов, следующий электропоезд прибывал меньше, чем через час. Уж в нем-то, наверное, никакого оружия не оказалось бы.

– А может, и не три, – почти весело и с непонятным для себя облегчением подумала она, с невинным взглядом рассматривая соседей.

Несколько секунд ей хватило, чтобы зафиксировать всех четверых в памяти, оценить степень опасности каждого и выделить главного. Им был несомненно тот, в ком Павлюченко разглядела звериное начало. Двое других напоминали Леху с друзьями. Больше всего – тем же чувством превосходства над остальными людишками. Только рядом был старший – битый волк – и этим парням приходилось сдерживаться. Однако получалось это у них не всегда. По крайней мере на Марию они посмотрели как на какое-то недоразумение, осмелившееся опустить свой зад на сиденье рядом с ними. Они явно были не прочь шугануть эту тетку – Марию – подальше отсюда, но решения здесь принимал главный.

И опять – в который раз за сегодняшний день – Павлюченко поправила себя: главным был не он. Самым опытным – да; самым опасным – несомненно, но не главным. Главную роль – по соображению Марии – играл портфель. Самый обычный импортный кожаный портфель; с подобным обычно выходил к своим зрителям Михаил Жванецкий. Только этот был гораздо внушительней размерами. Портфель прижимал к своему необъятному животу четвертый член команды. В этом человеке все было круглым – и щеки, и туловище, и руки, на одной из которых блеснула цепочка. Мария поняла, что толстячок был живым якорем и тележкой для портфеля. А чтобы оба они не потерялись, их наверняка сковали наручниками. Лицо толстячка, в отличие от трех других, не было ни хищным, ни злобным. Оно сейчас было полусонным и вполне добродушным.

В компании остальных оно смотрелось столь чужеродно, что даже не такой опытный человек, как Павлюченко, понял бы, как распределялись в этой команде роли. Двое качков – охранники, силовая поддержка; а в случае необходимости и живой щит. Для толстячка и, главное, для портфеля. Командир – самый опытный и битый настолько, что у Марии естественное любопытство едва не перебила такая же естественная опаска – это что же такое везли в чемоданчике, если его охраняет такой волчара. И тут же любопытство пересилило. Теперь Мария поразила другому:

– Это что за времена такие настали, что курьеры такого уровня в электричках передвигаются? Их что, тоже дефолт достал?

Она еще раз скользнула равнодушным взглядом по портфелю, по его ручке, и все-таки заметила, что цепочка действительно крепилась наручниками – и к важному грузу, и к его живому «якорю». Толстяк постарался спрятать их внутри длинного рукава пиджака, но электропоезд как раз тронулся, дернувшись – и вслед ему дернулся этот кругленький мужичок, на миг забывший о наручниках.

– В общем, – заключила Павлюченко, – четверка смотрелась в обшарпанном вагоне электричке странно. Ей самое место было в роскошном салоне «Мерседеса»; на крайний случай – в смежных номерах вагона СВ. И трое бойцов – толстяк не в счет, он опять прикрыл глаза –

знали это, а точнее чувствовали. Чувствовали себя униженными, и потому глядели на остальных пассажиров яростно. Особенно, конечно, на Павлюченко.

А Мария наконец закончила свой бесцеремонный осмотр и делано зевнула – одновременно с толстяком. Она улыбнулась этому обстоятельству и отвернулась к окну. Четверка вдруг встрепенулась; все дернулись взглядами к окну. Кроме старшего – тот повернул голову к пыльному окну плавно, однако первым, почти одновременно с Марией, оглядел привокзальную площадь. Там творилось что-то непонятное, явно выходящее за рамки привычного. Неторопливая, вальяжная и сытая железнодорожная милиция вдруг засуетилась; даже забегала.

Однако ни к грабителям с автоматами, ни к электричке вообще эта суета отношения не имела. Последняя протяжно загудела и двинулась в сторону Нижнего, оставляя позади зеленое здание вокзала. Совершенно спокойный голос прохрипел в динамиках: «Следующая остановка Ковров-два», – и Павлюченко снова повернулась к своему окну. Она отстраненно подумала, что в первый раз назвала Леху с подельниками грабителями. Отстраненно потому, что снова – теперь уже с этого угла зрения – прокручивала короткую встречу с тройкой качков. Да – их злое нетерпение было вызвано одним – парни шли на дело. Шли опробовать свои «игрушки», которые явно достались им случайно.

– Ну дожи-и-ли..., – мысленно протянула Павлюченко, – кого же они грабить тут собрались? Меня?.. Или их?.

Она не посмотрела в сторону соседей, но почувствовала, как напрягся там старший, и еще раз удивилась его звериной интуиции.

– Нет, – успокоила в мыслях себя Мария, – то, что в одной электричке оказались две бандгруппы – это дикая, невероятная случайность... Ага, в которую ты тоже вляпалась. Теперь эти случайности попрут.

Последнее было уже не предположением, а утверждением, потому что дальние двери вагона разъехались в стороны, и вагон первым вошел Леха. И он, и его дружки были по-прежнему в наглухо застегнутых куртках. В теплом, сейчас даже жарком вагоне это смотрелось по меньшей мере странным, но парням было не до того. Они вроде бы не крутили головами по сторонам, не зыркали взглядами по лицам пассажиров, но однозначно оценивали сейчас обстановку. А точнее – искали, с кого начать. Искали настоящую добычу.

И если они не оценят правильно опасность, исходящую от старшего четверки, скорее всего этот вагон они и будут грабить. Хотя бы потому, что здесь сидела Мария. Это Павлюченко поняла по оживившемуся лицу Лехи, который буквально устремился к ней. Бойцы – соседи Марии – на закаменевшее, ставшее на миг страшным лицо своего начальника отреагировали одновременно и одинаково – дернулись руками к предплечью. К оружию – это было понятно; но тут же расслабились, вслед за старшим. Потому что тот – как и Мария – оценил не только выпуклости под куртками троицы, но и их твердое намерение пока миновать этот вагон.

Леха действительно пробежал мимо, попытавшись обжечь Марию взглядом. И она действительно сжалась в мнимом испуге – пусть потом, когда две эти команды схлестнутся, ее никто не будет воспринимать хоть как-то серьезно. А во взгляде – почти таком же, как на перроне, Павлюченко сейчас прочла и густо примешанное к презрению чувство предстоящей расправы.

С каждым тяжелым шагом башмаков бандитов к Марии возвращалось старое – та жизнь, в которой она была Натальей Крупиной, подполковником КГБ; сотрудником отдела, у которого не было названия. Отдела, который, несмотря на свою реальность, не оставил в сером здании на Лубянке ни одного следа, ни одной бумажки. Так, по крайней мере, утверждал непосредственный и единственный начальник, которого она знала в лицо, и которому она верила безгранично. Однако начальник и сам мог не знать всего. Поэтому в один не самый прекрасный день Наталья Крупина исчезла. А на свет появилась Мария Павлюченко. И сегодня – в этом вагоне – она могла оставить не один след, который могут сравнить с тем, что осталось в Москве.

Если Леха с парнями вернутся. Еще не поздно было попытаться перебежать в другой вагон – это было бы так естественно. А там она бы, если потребовалось, отдала бы и жалкую двадцатку, что осталась в кошельке, и сумку с разбитой банкой меда и... Она даже улыбнулась, представив себе, как Леха идет по проходу, держа в одной руке «Бизон», а в другой – тяжеленную сумку.

Наконец, можно было стерпеть и шлепок по заднице, или что похуже – только чтобы потом проходить по делу в качестве второстепенной свидетельницы. А в том, что дело будет, она не сомневалась. Так и поступила бы Мария Павлюченко. Но теперь на жесткой деревянной скамье съежилась, якобы отходя от убийственного Лехинога взгляда, подполковник Крупина – именно она сейчас сделала выбор. Выбор, который перечеркивал спокойную жизнь последних лет.

Слышь, Волчара, – неслышно для передней части вагона, но не для Павлюченко, теперь Крупиной, обратился к командиру один из бойцов, – а ребята – серьезные...

– Ребята – фуфло, – отрезал так же тихо Волчара, бросив очередной подозрительный взгляд на притихшую Крупину, – а вот стволы у них действительно серьезные.

– Стволы?! – чуть громче удивился второй боец.

Наталья Крупина мысленно восхитилась: «Осенил же кого-то боженька обозвать его так точно!», – имея в виду командира группы курьеров. Сама Наталья в бога не верила. Ну не поверила до сих пор и все. А притворяться, изображать из себя истово верующую, как многие сейчас вокруг, не спешила. Впрочем, раньше для дела она могла изобразить кого угодно; так то для дела... А какие могли быть дела у Марии Павлюченко – так, делишки.

Дело начиналось сейчас, когда снова поехала на роликах тугая дверь и в вагон – теперь уже со спины Натальи – вошли качки; двое – без Лехи. Что по неписанным канонам западных боевиков, что крутили в каждом видеосалоне, означало одно – они все таки выбрали пятый вагон. Дальнейшие их действия Крупина могла разложить по секундам – в соответствии с графиком движения электропоезда. Сейчас эти двое останутся в тамбуре, дождутся, когда двери электрички закроются и она двинется от станции Ковров-два,. А потом ворвутся назад, уже с автоматами и черными масками на лицах. Как будто их не видели уже несколько раз.

– Но так положено, – усмехнулась про себя Наталья, – если только...

Об этом: «Если только», – не хотелось даже думать, и она пока продолжила раскручивать перед собой то действие, которое должно будет развернуться здесь через пару минут. Леха одновременно с двумя первыми ворвется в задние по ходу двери, и кто-то из троих проорет что-то типа: «Тихо! Всем оставаться на своих местах – это ограбление!». И, быть может, даже пальнет короткой очередью в потолок.

– Вот тут бы больше подошел Калашников, – еще раз усмехнулась Крупина, – от него и грохота побольше, и пороховыми газами салон сразу затянет. А главное – тяжелые акээмовские пули семь-шестьдесят два прошьют потолок насквозь.

Как поведут себя пульки от «Бизонов», учитывая, что края металлической крыши вагона были сглажены, не могла бы сказать даже подполковник Крупина. Но рикошета – решила она – не избежать. Наталье приходилось стрелять из этого короткоствольного оружия с необычным стволом прямоугольного сечения, но в других – в полевых условиях.

– А здесь, – усмехнулась она незаметно еще раз, – можно и в себя попасть – после нескольких рикошетов.

Поэтому она уже приглядела для себя место на грязном полу. Место, куда нырнет, как только раздастся первый выстрел. А может и раньше. Внутренний голос – тот, что сейчас «играл» за бандитов – возразил:

– Зато в соседних вагонах не слышно. Ребята сделают свое дело, и аккуратно выйдут на следующей остановке. И махать платочками электричке не будут. Когда еще весть об ограблении дойдет до машиниста, да тот свяжется с дежурным на станции, который сразу не пове-

рит в этот бред; да в свою очередь свяжется с милицией, ну и так далее... Найдут, – поняла Наталья, – этих найдут. А меня?

Впервые сегодня Крупина подумала о том, что эта поездка на электричке может стать для нее последней. И что в гнездышко, которые Наталья всеми силами старалась сделать уютным все эти годы, она, быть может, никогда не вернется. До отправления электрички оставалась одна минута, и Крупина продолжила:

– Потом Леха и один из передних останутся у дверей, а третий пойдет по проходу, собирая жалкую добычу, пока... не нарвется на Волчару. И кто-то из них все-таки выйдет на платформе двести шестьдесят второго километра, где минут через десять обратно, в Ковров, пойдет встречная электричка. А может, не выйдет ни один. Потому что в крайнем случае придется вмешаться мне...

Так, или примерно так, рассуждал и Волчара. Только он естественно в своих раскладах совсем не учитывал тетку на соседнем сидении. А вот то, как он зыркал глазами на задние двери, за которыми прятался Леха, и на передние, которые начали открываться, пропускающая в вагон грабителей, показывало – о следующей остановке и встречной электричке он тоже знает.

Он уже вытянул из нутра черной кожаной куртки – настоящей, а не из кожзама – пистолет. Обычный, надежнейший пистолет системы товарища Макарова и зло бросил бойцам, немедленно повторившим его действия:

– Я держу тех двоих. Серега – заднюю дверь, Пашка – хвоста.

Слова действительно были злыми, но относились они не к парням, не заслужившим пока кличек, а к тем непредвиденным обстоятельствам, которые он ну никак не ожидал встретить в электричке. Не ожидал, хотя к жизненным пакостям был всегда готов.

– Как пионер, – машинально подумала Крупина, лихорадочно вспоминая, прокручивая назад картинку с самого перрона ковровского вокзала, – Хвост! Еще и хвост! Как же я проморгал? Не меня же он имел в виду... Да... – семь лет вынужденной командировки..

Командировкой она неожиданно назвала свою жизнь в лесничестве, в глухом углу. Глухом – несмотря на пролетающие совсем рядом бесчисленные поезда из Москвы в сторону Нижнего и обратно. И теперь эта командировка заканчивалась.

Хвост она определила сразу, как только процедила – за считанные секунды – сквозь мелкое сито профессиональной оценки пассажиров в передней части вагона. Им мог быть только мужчина средних лет, отличавшийся от остальных и одеждой, и манерой поведения. Пассажиры сейчас замолчали, и беспокойно вертели головами, очевидно тоже почувствовав, как сгустилась атмосфера в вагоне. А этот – определенно москвич – даже не поднял, не отвернул голову от окна. Хотя несомненно отметил, как нагло и бесцеремонно рассматривала его Крупина. Не смотрел он и на четверку, на которых все чаще останавливались взгляды его соседей.

Сейчас из передней части вагона можно было видеть толстые, напряженные затылки двух бойцов, и лица – Волчары и «якоря». Последний был явно испуган, так что вцепился в свой портфель уже двумя руками – словно в нем была защита от страшной действительности окружающего мира. А вот в лицо Волчары, как бы он не стремился оставаться невозмутимым, было страшно смотреть. Особо глазастые пассажиры могли рассмотреть и тусклую вороненую сталь пистолетов.

Электричка наконец остановилась, и тот же хриплый голос объявил:

– Станция «Ковров-два», – выход на левую сторону.

На ближней к передней двери скамье засуетилась, подхватывая сумки, семья – отец, мать, и двое совсем маленьких детишек. Крупина нарисовала себе еще одну картину. Сейчас эти четверо счастливых торопливо сходят по железным ступеням, стараясь не оглядываться на широкие спины качков, затянутых кожезаменителем.

Двери вагона закрылись почти неслышно для сидящих внутри, и Наталья машинально отметила, как поплыло назад одноэтажное здание станции – тоже зеленого цвета – и как затрепала в тамбуре, за тонкой перегородкой, молния Лехиной куртки. Он негромко матюгнулся, очевидно дернув язычок молнии слишком сильно, и закусив подкладку. Или оружие, к которому были непривычны руки парня, зацепилось за что-то. Дальняя дверь поехала в сторону, открывая всем бледные, неестественно спокойные физиономии двух налетчиков и автоматы в их руках. В то же мгновение за спиной Крупиной заскользила на роликах вторая дверь и в вагон еще более бледной копией двух первых грабителей ступил Леха. Все трое были без масок, и в груди Натальи что-то противно заныло. Этого она боялась больше всего; об этом старалась не думать – но... эти решительные лица означали одно: «Вариант – ноль!». Конечно, сами парни свой вариант вооруженного грабежа называли как-то по другому, но к подполковнику Крупиной сейчас возвращались прежние навыки и термины. Тот вариант, который сейчас полоснул по сердцу, означал, что бандиты свидетелей оставлять не собирались.

Пассажиры, скорее всего, об этом не догадывались; большинство из них уже нырнули руками в сумки, карманы – за кошельками. А один из двух передних действительно закричал, хоть и не так цветисто, как предполагала Наталья:

– Сидеть! Сидеть! Сидеть!..

Очередь из «Бизона» почти вся ушла прямо вверх, прошив крышу. Лишь две визгнули, затерявшись в задней части вагона и заставив Леху опять матюгнуться, а потом скривить физиономию в пренебрежительной улыбке – так же, как и двух молодых бойцов-курьеров. Так они отреагировали на бросок Крупиной под сидение своей лавки. Она сейчас собрала своей курткой всю грязь, что не успели вымести уборщики, и один из двух парней процедил сквозь зубы:

– Подстилка!

– Зато я сейчас практически вся в мертвой зоне, и контролирую и вашу четверку, и весь вагон – по ногам, – ответила ему мысленно Наталья, едва удержавшись от улыбки.

Она сейчас не сомневалась, что Волчара отметил ее стремительный нырок под сиденье, и задаст себе потом вопрос: «Что за тетка здесь такая, умеющая двигаться как опытный боец?». Если, конечно он вообще будет в состоянии задавать и себе, и другим какие-то вопросы.

Тройка курьеров была готова к бою. Крупину они не то, чтобы вычеркнули из всех списков; просто посчитали, что уж с ее-то стороны им ничего не грозит.

– А зря, – подумала Наталья – время подумать на отвлеченные темы пока было, – в лучшие годы подполковника Крупину в рукопашной могли одолеть разве что четверо противников – вместе; да и те были не самыми последними рукопашниками Комитета. Теперь нет ни Комитета, ни вообще Союза Советских... И из тех четверых остался в живых только один, оказавшийся заклятым врагом.

О нем она не хотела вспоминать все эти долгие семь лет; постаралась выкинуть его из головы и теперь. Тем более, что качок – потрошитель кошельков – неумолимо приближался ко второй половине вагона. Вот его ноги задержались рядом с другими – в фирменной джинсе и добротных полуботинках, явно принадлежащих «хвосту». Последний дернулся – опять таки судя по ногам – но быстрее отреагировал на эту попытку вскочить бандит у дверей. Его палец очевидно уже готов был нажать на курок автомата, и выполнил команду даже быстрее, чем ее донесли нервные окончания. «Бизон» тихо, как швейная машинка, прострекотал, и Наталья увидела «хвоста» целиком – от джинсы и полуботинок до искаженного болью лица и руки, зажимающей куртку там, где расползлось большое темное пятно.

Дело у потрошителя пошло быстрее, судя потому как шустрее он стал продвигаться по проходу. Наконец его тяжелые башмаки миновали последний ряд скамеек, занятых пассажирами, и ускорились, направляясь теперь прямо к четверке и невидной для него Крупи-

ной. Секунды стремительно бежали, приближая электричку к следующей остановке – туда, где должны были высадиться победители.

– Или победитель, – поправила себя Наталья, наконец-то увидевшая бандита целиком.

Парень ее вниманием не удостоил; он почти опустил руку с автоматом к полу. Даже к такому легкому, по сравнению с многими другими, стволу надо было привыкнуть. Парень же, как правильно отметила еще раньше Крупина, взял его в руки впервые. В другой руке он держал сумку, унижительно тощую для такой грозной физиономии, и еще более грозного оружия. Наталью качок так и не заметил, или не захотел замечать. Он сразу остановился напротив четверки, и начал поднимать руку с «Бизоном», который держал как пистолет. В следующий момент он дернулся, напоровшись грудью на два сухих выстрела.

Волчара даже не попытался договориться с парнем.

– Совершенно правильно, – одобрила его действия Крупина оттуда же, с пола, – хотя с такого расстояния хватило бы и одного выстрела.

Тогда пистолет успел бы остановить не только автоматчика, рванувшегося к ним от передней двери, но и Леху, который секунды полторы изображал из себя застывший столб. А потом он все таки успел, раньше Волчары. Леха нажал на курок, и не отпускал его, пока не начинил маленькими злыми пулями сначала Серегу с Пашкой, один из которых и должен был держать его под прицелом. Вместо этого парни тупо переводили взгляды с пистолета Волчары на парня, упавшего к их ногам. Потом они уже ничего не переводили, потому что из их глаз, как и из здоровых молодых тел жизнь вытекла – быстро и безвозвратно. А стальной град переместился на Волчару, так и не успевшего повернуть к нему ствол пистолета. Они отбросили тело командира курьеров на скамью, и нашли новую жертву – «якоря». Жертва эта была большая, удобная и не требовала много времени для прицеливания.

«Якорь» умер мгновенно, прошитый остатком очереди в грудь и лицо. И тяжелая сумка, в которую он вцепился в последние мгновения своей жизни, не помогла – пули пронзили тело чуть выше ее. Будь этот курьер поменьше размерами, сумка могла бы спасти его, потому что Наталья поняла – по звуку – что в ней находится что-то очень напоминавшее бронированный кейс. Впрочем, несколько пуль попало и в изумленное багровое лицо, которое тут же стало страшным, рваным. Но Крупина не отвела взгляда в сторону; видела когда-то картины и поужасней. Она автоматически фиксировала все, что видела из-под своей скамьи, и прежде всего – Лехины ноги.

Наконец он двинулся вперед. Наталья сначала увидела его побелевший палец, застывший на курке «Бизона», который сейчас был не опасней любой другой железяки, равной ему по весу и размерам. Затем показалось и Лехино лицо – по-прежнему белое, с вытаращенными глазами. В них сейчас не было ничего разумного; лишь тупой безграничный ужас.

Согласно тем же законам видеожанра, он должен был сейчас браво подойти к одному из мертвых противников, и тупым носком ботинка перевернуть безвольную голову с одной стороны на другое. И еще процедить что-то сквозь зубы. В реальной же жизни он не успел сделать ничего. Не пожелал, а скорее, не успел. Потому что Наталья решила, что пришло ее время. Ее рывок из под скамьи не заметил никто в вагоне, включая Леху, к которому этот рывок был направлен. В этом было высшее мастерство; прыжок должен был быть не сильным, не эффектным – но точным и максимально эффективным.

Удар в вытянутую к месту кровавой бойни шею качка был еще больше стремительным, а для Лехи еще и милосердным, почти ласковым. Парень не упал, не умер на месте, как можно было ожидать. Его просто повело в сторону, как после мощного алкогольного удара по мозгам. Такого потерявшего всякие ориентиры человека легко можно было вести перед собой, подталкивая в спину; таким он и был нужен Крупиной. Наталья легонько толкнула парня на скамью, где сидела раньше сама. Электричка в это мгновение наконец остановилась, зашипев воздухом, который открывал двери. Значит, у Крупиной было не больше минуты, чтобы завершиться все

свои дела в вагоне номер пять. Ей еще нужно было разобраться с единственным участником разборки, который остался невредимым, если конечно не считать ее саму. А может и меньше минуты – если у «хвоста» в соседнем вагоне, по всем правилам, был напарник. Очередей из «Бизонов» он мог и не слышать, но товарищ Макаров говорил гораздо громче.

Браслет на руке «якоря» был импортным, супернадёжным, как и дипломат в сумке, к которому он крепился. Надёжный для абсолютного большинства обывателей, но не для немногих посвященных. Сложную и тонкую систему замков на импортных браслетах невозможно было взломать, не имея ключа. А вот грубо расколошматить всю внутреннюю начинку – не тянуть две половинки из прочнейшего сплава в стороны, а напротив – вколотить одну в другую – было вполне возможно. И заморский механизм послушно захрустел внутри, когда несильный, но точный удар обрушился в нужное место. Та половина наручников, которую нацепили на руку «якоря», для таких экспериментов не годилась; она туго обхватывала эту самую руку, еще теплую и послушную. Потому вторую половину браслета установить вертикально на скамью не составило для Натальи никакого труда. Браслет распался на две половины, и Крупина удовлетворенно улыбнулась – единственный удар был столь несильным, что на лакированном деревянном сидении не осталось даже малейшей вмятины. Русская сосна оказалась тверже импортной стали!

Наталья подхватила потертую сумку за изящную и прочную ручку. Другой рукой она дернула кверху за воротник турецкой куртки Леху. Тот послушно потопал к выходу, подталкиваемый в спину жесткой рукой. Дверца поехала, закрываясь за ними, и в это же мгновение в противоположном конце вагона открылась другая дверь. Она впустила в вагон, заполненный смертью, ужасом оставшихся в живых пассажиров и кислым запахом пороха плечистого красавца. Это без всяких сомнений был напарник «хвоста». Человек опытный, несомненно не раз побывавший в передрагах, он все же застыл в дверях, обозревая открывшуюся перед ним картину. А потом бросился к напарнику, наконец-то застонавшему на линолеумном полу.

Наталья отметила и этого красавчика, очень похожего на известного голливудского актера, которого она совсем недавно видела на экране своей «Электы» – дешевой видеодвойки; и общую картину разгрома в вагоне; и наконец – уже готовясь спрыгнуть на ступеньку – шевеление в куче мертвых тел. Волчара вдруг открыл глаза и посмотрел на нее мутным взглядом.

– Живой! – удивилась Крупина, спрыгивая на платформу из железобетонных плит, и бесцеремонно скидывая рядом Леху.

Разбитые коленки и содранная кожа на ладонях парня были первыми, и самыми легкими в грядущей череде неприятностей, ждущих его. Наталья легко вздернула Леху обратно на ноги, и мысленно перечислила всех, кто мог сделать в будущем ему очень больно.

– Милиция, которая, как известно, меня бережет; хозяин «Бизонов»; наконец – еще один хозяин, который не дожидается тяжелого дипломата, который по-прежнему прятался в сумке. Ну и меня саму, – хмуро усмехнулась Наталья, – ты не скоро забудешь.

Дипломат был нелегким, но намного тяжелее – вздохнула Крупина – была ее хозяйственная сумка. Впрочем гораздо важнее безвозвратной потери сумки со всем ее пятисотрублевым содержимым было появление на платформе еще одного возможного недоброжелателя – Лехино, и, возможно, ее самой. В закрывающиеся двери четвертого вагона выпрыгнул еще один плечистый здоровяк.

– Что их там, по одному образцы лепят, что ли? – проводила она взглядом человека, который даже не оглянулся на них. Здоровяк одним лихим прыжком перепрыгнул через канаву, что тянулась вдоль всего перрона, и исчез в лесу. В том самом сосняке, который практически вплотную подступил к полотну Горьковской железной дороге на двести шестьдесят втором километре, считая от Курского вокзала российской столицы.

Не понравились – ох, как не понравились Наталье эти прыжки. Слишком правильными они были, тренированными. Именно такими, как учил, вдальбывая в стриженные головы до седьмого пота инструктор в родном Рязанском училище. Единственная голова – ее, Наталья – была тогда стриженной хоть и коротко, но не на ноль. Но доставалось ей не меньше, а зачастую побольше, чем остальным. Хотя бы вот этому здоровяку, чья массивная фигура в считанные секунды растворилась меж толстых сосновых стволов. И эту фигуру она помнила; не смогла забыть, несмотря на два с небольшим десятка лет, что пролетели с тех трудных, но таких счастливых дней.

Наталья тепло улыбнулась, увлекая Леху в тот же сосняк, но по хорошо натопанной тропинке. Ей нечего было делить со давним знакомцем. Разве что дипломат, да «Бизон», что помещился в одной с ним сумке. Не тот пистолет-пулемет, в тором Леха извел весь рожок, а другой, подхваченный у убитого Волчарой грабителя. Ну, еще и самого Леху. Но парня она готова была отдать целиком, не делясь. Естественно, предварительно расколов до самого доньшка. Так что старого знакомого она не боялась, но хотела, чтобы и милиция, и вся та свора, что скоро зашевелится, искала подольше Марию Павлюченко, а не Наталью Крупину. Последнюю человек, сейчас крадущийся в лесу, вряд ли забыл.

Узкая тропка, натопанная множеством ног, петляла между вековых сосен. Она вела к бывшему Ащеринскому карьеру, заброшенному давным-давно вместе с двумя десятками домов и людьми, в них обитавшими. Теперь там доживали свой век несколько стариков, да в последнее время все чаще стали наезжать дачники. Наталье туда не было нужно. Ее вполне устроила небольшая полянка справа от тропы, куда она довела до сих пор не упирающегося Леху. Здесь она и уложила парня на потерявшую уже изумрудную сочность траву.

– Сначала дипломат, – прошептала она чуть слышно, вынимая последний из сумки, – максимум две минуты – как раз столько нужно Басмачу, чтобы добраться до вон того, скажем, куста.

Дальше она размышляла беззвучно. А пальцы ее стремительно накручивали диски цифровых замков. Маленькие желтые диски крутились гладко; точнее почти гладко – для любого другого. И для выпускников Рязанского десантного училища тоже. Слушать, вернее слышать такие замки Наталью учили много позже и в другом месте. Один за другим диски останавливались там, где это заставили сделать их чувствительные подушечки пальцев Натальи.

– Гляди-ка, не забыла! – вроде бы удивилась она, беззвучно распахивая дипломат.

Крупина предполагала, что могли перевозить в кейсе с такой охраной, поэтому не пристынула от изумления, когда увидела ровные стопки пачек. Она подняла одну, надорвала упаковку. Стодолларовые купюры были упакованы вручную, в узкие бумажные ленты без всяких банковских реквизитов.

– Можешь не пересчитывать, – раздался знакомый с детских лет голос, – там ровно миллион.

Наталья вздрогнула, как дернулась бы от испуга любая другая тетка средних лет, неожиданно услышавшая чужого в лесу; губы же расплылись в широкой улыбке, которую Басмач не мог видеть – она стояла на коленях перед раскрытым дипломатом. Как и задумывала, кстати.

Басмач успел к кусту даже раньше срока, а значит, больше времени оставалось на Леху. На целых двадцать секунд больше.

– Закрой дипломат, – скомандовал Басмач.

Крупина послушно шелкнула замками.

– Теперь ползи сюда с ним.

Наталья теперь совсем опустилась на четвереньки, нагнула голову к земле так низко, что ее лица под низко опущенной вязаной шапочкой практически не было видно, и стала разворачиваться – так же на четвереньках.

– Стоп! – поступила новая команда, – давай задом.

– Эге – воскликнула мысленно подполковник, – а Басмач-то тоже не хочет показывать своего личика. А может хочет вместе с миллионом и мной попользоваться, на халяву?

Назад Наталья ползла еще более неуклюже и медленно, оценивая расстояние до Басмача с точностью до миллиметра. Еще она знала, что тот готовится обрушить на ее затылок что-то твердое – пистолет, а может, палку или камень – что он мог еще подобрать в лесу? Но для этого он должен был подпустить Крупину к себе почти вплотную.

– Ох, Басмач, – почти ласково протянула беззвучно Наталья, – учили тебя, учили – в Рязани, в Афгане, где там еще? Ну нельзя же попускать к себе так близко женщину, которая за полторы минуты смогла раскрыть цифровые замки. Положим, про замки ты мог не знать. Но подумать, что миллион баксов в обычном чемоданчике не носят, должен был?

Чуть слышно скрипнула куртка; потом треснула ветка под подошвой ботинка, на которой перенес вес своего тела Басмач. Он явно замахивался для удара. Наталья четко видела, даже не оглядываясь назад, как вытягивается плоский живот человека, стоящего позади, и как начала опускаться вниз его рука, вооруженная неведомым пока оружием. Ее ладонь выпустила ручку дипломата; обе руки уперлись в толстый слой лесной подстилки, и кованые каблуки наших, отечественных башмачков, устремились назад, поочередно. Правый впечатался в живот Басмача – тренированный, защищенный, твердый – и пробил эту защиту. Левый пошел выше, не так резко – навстречу большому лбу потерявшему равновесие Басмача. Наталья оказалась на ногах раньше, чем ее давний знакомый упал на землю. Теперь скрываться не было необходимости. Пятнадцать минут – не меньше – Басмач будет в отключке. А потом... потом Крупина будет уже далеко. Где? Она и сама пока этого не знала.

Рядом застонал и зашевелился Леха. Совсем скоро он пришел бы в себя без посторонней помощи. Однако у Крупиной не было времени ждать так долго. Поэтому она действовало грубо, но действительно. Маленькая мушка прицела «Бизона» – единственная остро выступающая деталь оружия – прочертила рваную кровавую полосу через все лицо парня; она оттянула левый край нижней губы; порвала ее и закончила свой путь, намного не добежав до конца квадратного подбородка.

Леха очнулся разом. Ужас совершенных убийств еще не пришел к нему, зато по порванной губе поползла нехорошая улыбка – он узнал Крупину. Вот только выражение лица у склонившейся над ним теткой было совершенно другим, чем прежде. Оно было не испуганным, ни заискивающим. Сейчас на парня смотрели холодные серые глаза, которые обещали новую боль – гораздо нестерпимей. И Леха вдруг понял, что эта тетка действительно может принести ему эти страдания, как приносила наверняка раньше – другим людям. Но на других Лехе было наплевать, а вот на самого себя... Его улыбка стала жалкой, и он даже перестал ощущать боль от той раны, что перечеркивала его физиономию. А Крупина начала говорить почти ласково, что только подчеркивало страшный смысл ее слов:

– Слушай меня внимательно, Леха. Слишком много серьезных людей возьмутся за тебя скоро. Может быть, ты пожалеешь, что не умер там, в вагоне, со своими друзьями.

Леха дернулся, а Наталья продолжила – еще мягче и страшнее:

– Сначала менты. Им пять трупов в электричке не подарок. А отвечать за них – тебе одному. Потом в тюрьме тебя ждет совсем райская жизнь, когда доберется весточка от хозяйина вот этой игрушки, – Крупина ткнула ствол «Бизона» почти прямо в глаз парня, и тот сжался, тщетно пытаясь вдавить затылок в твердую сосновую кору, – а на десерт тебя поимеют те ребята, у которых сегодня пропали вот эти бумажки.

Наталья снова достала из дипломата пачку с надорванной оберткой, и обратно доллары посыпались уже по отдельности – веселым зеленым водопадом. Баксы явно переменили ход мыслей парня – в ненужную для Натальи сторону, и поперек его лица тут же начала свою страшную пробежку вторая рана. Букву «икс» мушка так и не дочертила до конца, потому что Крупина увидела, что в Лехины глаза вернулись страх и послушание.

– Но до тюрьмы еще надо дожить, мальчик, – продолжила она, и парень снова сжался, непостижимым образом уменьшаясь в размерах, – а ты умрешь здесь и сейчас, если не ответишь на один простой вопрос: «Где и у кого вы взяли эти игрушки?»».

Вопросов было два, но Лехе было не до таких тонкостей. Он с ужасом уставился в черное отверстие дула, которое надвигалось ему в левый глаз. Что-то еще трепыхнулось в голове, даже начала зарождаться мысль:

– Вот сейчас перехватить левой рукой дуло, – читала его мысль Крупина, – а правой...

Додумать парень не успел, потому что «Бизон» плавно, на первый взгляд медленно, а на самом деле так, что перехватить его не успел бы гораздо более опытный рукопашник, развернулся, и ткнулся прикладом в его правое колено. Леха дернулся, пронзенный дикой, невыносимой болью. Глаза его начали закатываться; парень готов был опять провалиться в спасительное забытие. Но кто бы ему дал сделать это?!

«Бизон» поплыл так же медленно и неумолимо – к правому колену, и Леха судорожно подтянул эту ногу к груди. Он обнял руками колено, словно величайшую ценность. Хотя и не знал пока, что оно, это колено, действительно осталось у него одно. Потому что в том месиве костей, жил и мяса, которой сейчас стремительно заполнялось кровью в месте несильного на вид удара прикладом, человеческого колена – таким, каким его создала природа – уже не было и никогда не будет. Наталья знала, что тут не смогут помочь даже лучшие хирурги мира, и совершенно не жалела о содеянном. Всю вину она переложила на самого парня. Точнее он сам на это пошел – еще там, на перроне, когда пнул ногой сумку. Или раньше... Вот об этом «раньше» он и заговорил взахлеб. Уточняющих вопросов почти не потребовалось. Удивительно, как может всего один удар (ну – еще ожидание второго) научить парня говорить грамотно, быстро; опуская ненужную словесную шелуху.

Уже через две минуты Крупина знала о Лехе все. И о безоблачном детстве с родителями – одними из первых удачливых ковровских бизнесменов; о доме, которые они построили на обширном пустыре рядом с больничным комплексом завода имени Дегтярева. И о старом заброшенном коллекторе – обычной бетонной трубе с внутренним диаметром чуть больше полуметра, которая как раз проходила через подвал Лехино (и родителей, конечно) особняка. Труба эта заканчивалась в непроходимых кустах, где почему-то никто не захотел строиться.

Нелепая смерть родителей в автокатастрофе перечеркнула Лехину жизнь. Поначалу он ударился в загул – длинный, страшный и беспробудный. А когда очнулся, оказалось, что у него больше не было ни дома, ни денег, которые никогда не переводились в кармане. Остались только два друга детства... Леха замолчал – вспомнил, что друзей тоже уже не было.

На вопрос – идти работать на завод – за жалкие гроши, или постараться решить проблему с деньгами разом, без особых усилий, ответ нашелся сразу – в пользу второго варианта. Другой вопрос – с чего начинать – тоже отпал сам собой, когда Леха вспомнил о старом коллекторе.

В коттедже, как оказалось, новый хозяин не жил. Он сдавал его личностям неприметным и часто меняющимся. Таким, которым было некогда обшаривать надежный, на первый взгляд подвал. Скорее всего, пропади что из этого подвала, временные жильцы вряд ли побежали бы с заявлением в милицию. По крайней мере, после первого «похода» дружков в подвал некогда родного Лехино дома реакция была именно такой. А вчера подвал оказался пустым. Если не считать трех «Бизонов», сиротливо выстроившихся в углу в пирамидку. Сам Леха их скорее всего даже трогать бы не стал. Но его друг, успевший отслужить в каких-то крутых войсках, решительно засунул их в рюкзак. А потом еще и посмеялся, обрисовав подельникам изумленные физиономии жильцов, обнаруживших пропажу. Ни он, ни двое других будущих грабителя не предполагали, что когда-нибудь встретятся с хозяевами оружия.

На следующий день, то есть сегодня, банда пошла на дело...

– Третий коттедж на первой линии. Зеленый, с красной черепичной крышей. Ворота металлические, тоже зеленые, – повторила Крупина адрес.

Парень утвердительно кивнул – прямо навстречу стальному прикладу. Наталья не пожалела силы, направляя автомат в его широкий лоб. А что ей жалеть Леху? Разве он жалел кого, поливая пулями пятый вагон. К тому же ей не хотелось, чтобы Леха очнулся раньше, чем ее старый знакомый.

– Да, – довольно подумала подполковник, оглядывая сползающее на подстилку тело, – с ним менты не меньше недели будут возиться, пока приведут в память... если вообще приведут. А больше и не потребуется.

Где-то вдалеке чуть слышно прогудела электричка, отходящая от станции «Гостюхино» сюда, в направлении Натальи и двух бесчувственных мужских тел. Почти сразу же ей отозвалась та, которую совсем недавно покинула Наталья. Ну и Леха с Басмачом, соответственно. Это означало, что тот ужас, что творился в пятом вагоне, еще не доплеснулся ни до машиниста, ни до дежурного по станции. А для Натальи – увеличивался шанс оторваться от преследования, которое еще не началось, и обойтись без контакта.

– Пять минут, пять минут, – пропела Наталья на мотив старой песенки из «Карнавальная ночи». Именно столько времени обычно шла электричка до платформы, куда уже собралась возвращаться Крупина. Времени было вполне достаточно, чтобы высыпать миллион долларов в сумку и неторопливо обыскать Басмача.

– Емельянов Николай Юрьевич, – прочитала Крупина в красной книжечке хорошо знакомые фамилию, имя, и особенно отчество.

Они могли удивить кого-то другого – загляни только он, или она – в лицо Басмача. Лицо это вполне соответствовало детскому прозвищу, и могло скорее принадлежать узбеку, киргизу, или какому-нибудь туркмену. Между тем Наталья знала, что в паспорте, которой и Басмачу, и ей самой выдали в один день, в графе национальность стояло: «русский». В этой книжце, в удостоверении, про национальность ничего не говорилось; зато сообщалось, что Емельянов является майором Московского СОБРа. Вот теперь Наталья действительно удивилась.

Майору СОБРа никак не подходила роль обычного топтуна, да еще так далеко от Москвы. Если российскому телевидению можно было доверять, то собровцы – это штурм; это мордой в грязь, или в капот автомобиля. Наконец это ноги шире плеч и удар резиновой дубинкой или кованым сапогом между ног подозреваемого. Для слежки больше бы подошел кто-то неприметный, не с таким широким разворотом плеч, и тем более не такой физиономией, как у Басмача.

– Впрочем, подумала Наталья, возвращая удостоверение на место, – это ваши игры, ребята. Разбирайтесь сами.

Она поправила вязаную шапочку на голове Басмача, прикрыв левое ухо. Последнее было приметным – памятным и самому Емельянову, и Крупиной. «Бизон», так и не сделавший ни одного выстрела в лесу, но сослуживший хорошую службу, лег в сумку поверх зеленых купюр. Резко зашипела молния, закрывая такое необычное содержимое сумки. Ровно через минуту подполковник Крупина стояла на платформе, где уже собралась небольшая толпа пассажиров. Еще через две электропоезд вез ее к Коврову – все дальше и дальше от леса, где остались лежать Басмач и Леха, фамилию которого Наталья так и не спросила. Там же остался и бесплотный дух Марии Павлюченко, умершей во второй раз, теперь уже окончательно.

Глава 2. Рязанский областной специализированный детский дом Тени прошлого

Областной детский спецдом занимал бывшую усадьбу богатого рязанского фабриканта. Фабрикант этот в свое время не успел удрать, воссоединиться с капиталами, которые перевел в один из почтенных швейцарских банков незадолго до Октябрьской революции. За годы советской власти рядом с центральной усадьбой выросло несколько строений, но все они казались временщиками, только портящими вид великолепного старинного ансамбля.

Пугающую приставку «спец» детский дом носил, в общем-то, незаконно, хотя расставаться с ней не спешил. В спецдомах, как известно, воспитывают (или пытаются делать это) малолетних преступников или детей с неизлечимыми болезнями – то есть таких, которые не нужны никому, кроме государства. Государства, которое мало кто уважал, но обращался к нему всякий раз, когда попадал в беду.

Рязанский детдом правильнее было бы назвать экспериментальным. Чья-то высокоумная голова придумала совместить в этом старинном здании Дом малютки, где растили отказных грудничков, и собственно детский дом. В таком заведении, полагал ученый экспериментатор, можно было попытаться создать настоящую семью – где старшие заботятся о малышах, где младших потом не травмируют, переводя в очередной приют – для детей постарше; к новым воспитателям и воспитанникам.

Ученый защитил диссертацию и издал толстенный труд. Новоиспеченный доктор педагогических наук быстро забыл о Доме, а он продолжал жить своей жизнью. Персонал тихо радовался тому, что приставку «спец» не отобрали, так же, как и двадцатипроцентную надбавку к зарплате, положенную по этой причине.

Имена, отчества и фамилии дети получали прямо здесь, из уст директора Дома – пробивного, и одновременно доброго (бывает и такое) Юрия Ивановича Рябова. Фамилию директор подбирал мгновенно – сообразно обстоятельствам поступления ребенка в детдом. Имена практичный Юрий Иванович давал согласно таблице, раз и навсегда занявшей место под стеклом его служебного стола. В таблице тридцать одному дню месяца соответствовало столько же женских, и мужских имен. Как только из родильного дома, или из милиции привозили очередного несчастного малыша, толстый палец Рябова тут же находил в календарике число, и мальчик или девочка обретали имя. С отчеством было еще проще. Юрий Иванович не без основания считал всю шумную ораву воспитанников своими детьми. Поэтому все выпускники Дома, закрывая за собой старинные тяжелые двери, имели паспорта с одинаковыми отчествами – Юрьевич. Или, соответственно, Юрьевна.

Третьего ноября шестидесятого года нянечка, первой вышедшая утром на широкое каменное крыльцо, нашла сверток. В нем молча и сосредоточенно сопела, несмотря на сырую осеннюю погоду и редкие снежинки, не желающие таять на ее лице, девочка. Эти белые крупинки так и не успели растаять, когда девочку впервые увидел Рябов. И она тут же получила фамилию – Крупина. Имя Наталье нашлось напротив третьего числа, ну а отчество... Отчество она получила, как только нянечка подхватила на руки сверток. Родителей доблестная рязанская милиция так и не нашла.

Наташка Крупина была не первой, кто попал в этот Дом подобным образом. Летом одна тысяча девятьсот пятьдесят шестого года на том же крыльце был найден еще один подкидыш – смуглый и узкоглазый. Юрий Иванович в тот день читал книгу о народном разбойнике Емельяне Пугачеве. Мальчишка тут же стал Емельяновым, а заодно Николаем Юрьевичем. Жизнь повернула так, что ему не пришлось стать Абдуллой, или к примеру Саидбеком. А директора

ни его смуглое лицо, ни широкий приплюснутый нос, ни черные глаза, весело поблескивающие в свертке, не смутили. Он еще и в графе национальность, нисколько не сомневаясь, поставил – «русский».

Мальчик так и пробегал Колькой до десяти лет. А потом в Дом привезли киноленту о славном революционном прошлом «Всадники революции». Зрительный зал, заполненный воспитанниками и воспитателями, дружно болел за «наших». Пока посреди фильма чей-то звонкий мальчишеский голос не перекрыл и шум в зале, и пулеметную очередь в динамиках:

– Колька, когда ты вырастешь, точно будешь похож на этого басмача.

Киношный герой был никаким не басмачом, а как раз командиром красных конников. Однако сходство его с Колькой, несмотря на разницу в возрасте, было несомненным, и кличка намертво приклеилась к мальчишке.

В годы развитого, или – как его назовут позднее – загнивающего социализма, у каждого детского дома были шефы. У этого Дома кроме богатого оборонного предприятия был еще один необычный шеф – Рязанское десантное училище. Опытный инструктор вел здесь секцию рукопашного боя, а лучшие его ученики как правило становились курсантами. Басмач к шестнадцати годам вытянулся и раздался в плечах. Он стал если не лучшим, то одним из самых перспективных в секции. Однажды он дождался, когда в столовой не останется ни одного воспитателя и показал всем внушительный кулак:

– Я теперь не Басмач, понятно? Я просто Николай. Николай Юрьевич Емельянов, всем понятно?

Понятно было всем. Меж собой воспитанники все проблемы решали без участия воспитателей, и крепкий кулак был одним из самых весомых аргументов. Басмач – не сразу, конечно – снова стал Николаем, и скоро переехал из Дома в казарму будущих десантников. Но до того состоялся его первый контакт с Наташкой Крупиной. Первый, но, как он безосновательно надеялся, не последний.

Секция рукопашного боя в Доме была престижной. Попасть в нее было нелегко, а для девочки – совсем нереально. По крайней мере до того памятного дня прецедентов не было. Инструктор, руководитель секции, регулярно проводил отборочные соревнования – по бегу, прыжкам, подтягиванию на перекладине. В тот очень памятный – и для Натальи, и для Николая Емельянова – вечер мальчишки подтягивались. Старались изо всех сил, потому что тренер объявил: победитель автоматически зачисляется в секцию. Лучший из парнишек подтянулся сорок раз – результат для двенадцатилетнего пацана очень даже приличный.

Инструктор одобрительно кивнул, и начал очередной счет – за ловко забравшимся на перекладину подростком. И только по изменившемуся вдруг настроению в спортивном зале он почувствовал неладное. На перекладине – судя по задорно торчащим в стороны косичкам – висела девочка. Она начала подтягиваться очень быстро, словно боялась, что ее сейчас погонят из зала. Инструктор действительно хотел сделать это, даже подошел поближе к турнику, но... девочка уже побила рекорд сегодняшнего вечера и он остановился. А зрители – уже сами не замечая – начали считать вслух:

– Сорок два, сорок три, сорок четыре...

Движения необычной претендентки замедлились, но тренер заметил, как в ней вдруг что словно лопнуло, прорвалось наружу неистовой энергией. И девочка опять начала подтягиваться мощно, равномерно – как поршень паровой машины. А взрослый мужчина, понявший, что видит сейчас перед собой рождение чуда, какое удастся увидеть редко какому наставнику, считал вместе с залом:

– Шестьдесят семь, шестьдесят восемь...

Когда счет перевалил за сотню, он спохватился – чудо чудом, а закон сохранения энергии никто не отменял. Тренер понял, что эта удивительная девочка будет подтягиваться, пока не свалится с турника без сознания. И он скомандовал: «Хватит!», – и даже подхватил ее

за ноги, чтобы помочь опуститься на дощатый пол. А девочка, которая, оказывается, тоже шептала со всем залом, в последний раз вытолкнула сквозь зубы: «Сто двадцать пять!», – и подтянулась вместе с повисшим на ней взрослым мужиком. И только после этого отпустила перекладину.

Тренер подхватил ее на плечо, и так отнес ее к столу, покрытому обычной кумачовой скатертью. Крупина не слышала, что говорил сейчас этот человек. А он, закончив свою короткую речь, вручил Наташе приз, естественно рассчитанный на мальчишку – большой пластмассовый автомат на батарейках. Автомат громко трещал, и имел почти настоящий пламегаситель, внутри которого горела красная лампочка.

Соревнования, как обычно, закончились праздничным шефским ужином, и зрители дружно потянулись в столовую. Они оглядывались на растерянную Наталью, прижимавшую к груди игрушку. В зале оставались лишь несколько парнишек – в основном из самых старших. Им, конечно, не к лицу было рваться в столовую впереди всякой мелюзги. Уж их-то мест никто бы занять не решился. Главным в этой компании был Басмач, который и сам стал забывать, что его так зовут. А тут ему напомнили.

Емельянов подошел к замершей у стола девочке и протянул руку:

– Ну-ка, дай сюда!

Зачем он это сделал, Николай сам бы не смог ответить. Игрушка ему была не нужна – он скоро должен был взять в руки настоящий автомат. Крупиной пластмассовый автомат тоже, в общем-то не был нужен. Но это была первая в ее жизни собственная вещь. С игрушками в Доме проблем не было. Но то были общие; их мог взять любой, а эту... Наташа спрятала автомат за спиной и покачала головой:

– Уйди, Басмач, не дам!

Николая давно уже не называли так. Конечно, с кулаками на эту малявку он не набросился, но в свои руки сгреб, попытавшись дотянуться до игрушки. А его левое ухо оказалось как раз напротив лица Крупиной. В двенадцать лет у Наташи все было острым – и локти, и колени, и почти невидные под футболкой грудки. Но самыми острыми у девочки были зубы, которыми она и вцепилась в это ухо, в смуглую мочку. Мягкую плоть ее зубы отхватили, даже не заметив – неожиданно и для Николая, и для самой Крупиной.

Емельянов только коротко вскрикнул и выхватил из нагрудного кармана белоснежный платок. Без такого платочка не ходил ни один воспитанник – с гигиеной в Доме было строго. Платок сразу же окрасился в красное, а Емельянов испарился из зала так быстро, что едва не сбил с ног заместителя директора по воспитательной работе. Этого человека дети зло и вполне справедливо называли «замом по режиму». Он имел удивительную способность появляться в самый критичный момент. Вот и сейчас он со строгим лицом протянул девочке руку: «Что там у тебя во рту?».

Этот человек работал в Доме недавно. Он не вжился в коллектив, но вцепился в него мертвой хваткой. Поговаривали, что даже директор пытался избавиться от заместителя, но у него ничего не получилось. Вот такой человек протянул ко рту Натальи руку. Девочка улыбнулась, не раскрывая пока рта. Она вдруг представила, что этот неприятный и ей, и ее друзьям человек стоит на паперти и выпрашивает милостыню.

– Да пожалуйста, – подумала она вполне по-взрослому, – мне не жалко.

И аккуратно выплюнула на ладонь кусок уха и кровь вперемежку с собственными слюнями. Мужчина наверное очень пожалел об этом. Дело в том, что Виктор Борисович, «зам по режиму», очень боялся крови. А сейчас на его собственную ладонь выплюнули что-то столь чудовищное и отвратительное, что он без слов опустился на деревянный пол. А пока падал в обморок, успел «насладиться» презрительной ухмылкой девчонки. Дети – это общеизвестно – вообще очень жестокие создания. А Наталья сейчас была переполнена эмоциями – и победой

на турнире, и позорным бегством Басмача. Наконец тем, как менялся в лице – от багрового, до пугающе белого – цвета, а потом падал без сознания этот неприятный мужчина.

Это было зрелище! Это было великолепно! На это выскочили из столовой и толпились за спиной Натальи воспитанники и воспитатели. Пока наконец не появился Юрий Иванович, и не разогнал всех по местам. Виктора Борисовича унесли, а для Наташи этот инцидент имел самые неожиданные последствия. Басмач, когда ему рассказывали про позорный обморок, хохотал как сумасшедший. Так, что оторвал платок от присохшего уха, и на костюме опять закапала кровь. Он готов был пожертвовать еще одной мочкой, лишь бы увидеть эту сцену собственными глазами. Емельянов во всеулышание заявил, что не имеет никаких претензий, и что Наташа была вправе защищать свой приз всеми доступными ей способами.

Единственным неразрешенным вопросом осталась пропажа злосчастной мочки. Скорее всего его замела невнимательная уборщица; а может, утащили в норку мыши, которые не переводились в старинном особняке, как бы их не травили. Но еще долго старшие воспитанники рассказывали младшим страшную сказку о кровожадном Борисыче, который откусил и сожрал ухо Басмача.

«Зама по режиму» с тех пор за спиной, а иногда и в глаза называли Ухом. Он терпел и копил злобу на Наталью. И она наконец прорвалась наружу. Что-то видимо стронулось в голове воспитателя, если он решил наброситься на тринадцатилетнюю девочку. Задумывался ли он о последствиях, когда подкараулил ее одну в том самом зале? В зале, из которого Крупина выходила только на уроки, ну еще на вполне необходимые мероприятия – еду, сон, прогулки. Которые, оказывается, тоже имели немалое значение в системе тренировок. За год Наташья вытянулась, округлилась. Но внешне не стала сильнее, хотя тренер удивленно качал головой, наблюдая за ее спаррингами.

Об этом Виктор Борисович тоже не подумал, когда подпирал дверь спинкой стоящего рядом стула. Наташья усмехнулась:

– Значит, Виктор Борисович, свидетели вам не нужны? Ну-ну...

Мужчина навис над Наташей, которая спокойно шнуровала кеды, сидя на длинной скамье у стенки зала. Руки Виктора Борисовича уже почти сжали Наташины плечи, которые за этот год налились силой. Но не на силу в первую очередь делал акцент в ее тренировках тренер. Крупина скользнула со скамьи на пол и змейкой перетекла между ног Уха. Уже там, сзади, стоя, звонко хлопнула крепкой ладонью по обтянутой брюками заднице. Виктору Борисовичу оценить бы сейчас этот удар, от которого онемела вся правая ягодица. Но очевидно он был недостаточно сильным, чтобы привести Виктора Борисовича в чувство. Он лишь привел его в крайнее возбуждение.

Ухо снова пошел на Крупину, широко разведя руки. Последняя не убежала, хотя дверь, подпертая стулом, находилась за ее спиной. Она спокойно дождалась, когда Борисыч подойдет вплотную, опять сводя руки на уровне плеч девочки, и только тогда нанесла удар. Без замаха, неожиданный, такой, как учил инструктор – в самое уязвимое мужское место.

«Зам по режиму» отступил назад, хватая широко открытым ртом воздух и наклонился, зажимая ладонями ушибленное место. Крупина сделала вбок один шаг и правой ногой нанесла классический каратистский удар – только без громкого «Кий-я!», означавшего чистую победу.

Неизвестно, сколько пролежал на полу спортивного зала Ухо после ухода Натальи. Наверное последний удар прочистил ему мозги. Уже следующим утром он положил на стол директора – на тот самый кусок оргстекла – заявление об увольнении. И навсегда исчез из жизни Крупиной.

Емельянов успешно поступил в училище, а Наташья еще четыре года прожила в доме. Она продолжала заниматься в секции, неплохо успевая по основным учебным дисциплинам. Не только потому, что таким было требование тренера, но и благодаря способностям Натальи,

которые позволяли без особых усилий учиться на четыре и пять. Могла бы и на одни пятерки, но для нее главное было – секция.

Основным местом ее тренера было все таки училище. Он так и не рассказал Наталье, какой разговор состоялся у него летом семьдесят седьмого года с заместителем начальника училища по учебной работе. Замначальника тоже когда-то был учеником тренера. Теперь генерал-майор встречался со своим старым другом только на «площадке» для преферанса, хотя о давних тренировках не забывал.

Сейчас генерал возмущенно тряс головой:

– Ты думай, что говоришь, Михаил Михалыч! Бабу в курсанты! Да будь она хоть трижды чемпионом. Только представь себе – вот заходит она сюда, и...

Генерал-майор молодежато щелкнул каблуками ботинок и отрапортовал себе самому, кинув правую ладонь к отсутствующему козырьку:

– Товарищ генерал майор! Курсант Пупкина представляется по случаю возвращения из декретного отпуска... А там, – замначальника яростно ткнул в окрашенную светло-серой краской стену, где под портретом Ленина сиротливо висел график отпусков преподавателей, – будет висеть график месячных по курсам. Понимаешь, майор (именно такое звание имел тренер) – не месячных отпусков, а просто месячных!

Тренер сознавал, что затевает практически безнадежное дело, пытаясь протащить Крупину в курсанты десантного училища – вопреки всем уставам, приказам, а главное – традициям. У него был один козырь – маленькая слабость генерала. Слабость, которая уже не один раз помогала майору в его спорах с начальником. Заместитель начальника училища по учебной части был яростным, просто патологическим спорщиком.

– Хочешь пари, Николай Антонович? – хитро прищурил глаз майор, переходя на дружеский тон.

Он словно очутился сейчас не в кабинете начальника, а в собственной холостяцкой квартире, где обычно и расписывали пульку три офицера и один генерал.

– Пари?! – поперхнулся генерал-майор.

– Да, пари! Ящик армянского коньяка и... моя девочка против лучшего выпускника по твоему выбору. Если Крупина побьет его, она – курсант. Если нет – и суда нет.

Генерал еще немного посопротивлялся; затем естество пересилило и он сдался.

Так случилось, что лучшим отделением последнего курса командовал старший сержант Николай Емельянов. Его и вызвал к себе замначальника училища.

– Заходи, курсант, – весело пригласил в кабинет Николая генерал-майор после обязательного приветствия старшего сержанта. Емельянов застыл столбом у двери, провожая взглядом генерала, который остановился у стола.

– Боевое задание для тебя, сержант, – продолжил начальник, – точнее, для твоего отделения. Выделишь лучшего рукопашника, чтобы заломать на ринге одну девчонку.

В голове Емельянова зародилось смутное подозрение и он осторожно спросил:

– Разрешите обратиться с вопросом, товарищ генерал-майор!

– Давай, сержант.

– Разрешите узнать фамилию девчонки, товарищ генерал-майор!

Тот хохотнул и подвинул к себе бумажку с ходатайством майора-тренера:

– Вот! Крупина Наталья Юрьевна.

Николай не изменился в лице, но внутренне содрогнулся. Он даже нарушил привычную, вымуштрованную за четыре года строевую стойку. Нет, он не боялся проиграть Наталье; в собственных силах был уверен. Но против Крупиной вышел бы только подчинившись прямому приказу. Басмач вдруг подумал, что Наталья, если ее прижмет, опять вцепится зубами в любое незащищенное место на теле. Он не хотел, чтобы это любое место оказалось на его теле. Тем более, что в зубы Крупиной могло попасть не ухо, а что-нибудь гораздо ранимее и нужнее.

Не оторви когда-то судьба Николая от его родителей, быть бы ему сейчас правоверным мусульманином. Становиться им сейчас, в двадцать с небольшим лет, да еще таким экзотическим способом, он не хотел. Поэтому он украдкой от генерала, опять что-то высматривающего на столе, потер короткую мочку левого уха и четко отрапортовал:

– Предлагаю сержанта Семенова, товарищ генерал-майор.

Сержанта Семенова генерал тоже хорошо знал, потому утвердительно кивнул головой, хотя предполагал, что Емельянов лучшим рукопашником считает себя. Он даже чуть поморщился, посчитав, что сейчас сержант Емельянов сделал что-то, недостойное будущего десантника...

Поединок проходил в обычной учебной аудитории, довольно просторной и пустой по случаю предстоящего ремонта. Были и зрители – совсем немного, во избежание ненужной огласки. Генерал-майор уже жалел, что ввязался в этот глупый спор. Впрочем он знал боевую выучку выпускного курса; сержант Семенов был среди лучших. Поэтому лишь улыбнулся, увидев Наташу Крупину – обычную на вид девчонку, мимо которой на улице он прошел бы, даже не взглянув на нее. Не по причине преклонного возраста, конечно – просто генерал был вечно погружен в мысли о работе, и на девушек обычно не отвлекался. Николай Антонович поманил к себе пальцем Семенова:

– Ты, сержант, полегче там. Не сломай ей что-нибудь.

– Есть! – улыбнулся сержант, попытавшись щелкнуть несуществующими каблуками спортивных туфель.

Примерно то же самое говорил в другом углу Наталье майор, сидевший на втором, и последнем стуле в аудитории.

– Покажи все, Наташа, на что способна. Только не сломай парня, он-то ни в чем не виноват.

Он сидел внешне спокойно, но внутри у него все дрожало – что случилось с ним очень редко. Ведь сейчас его лучшую ученицу ждал первый настоящий экзамен. В комнату вошел со стулом в руках командир учебной роты, в которой служили, точнее дослуживали сержанты Емельянов и Семенов. Комроты оставил стул у третьей – нейтральной стены комнаты, и пошел на середину зала. Он был назначен генералом арбитром этого поединка. Еще у стены стояло полтора десятка курсантов – отделение старшего сержанта Емельянова.

Капитан наконец дождался разрешающего кивка генерала и громко хлопнул в ладоши. Семенов пошел вдоль строя однокашников, чуть картинно играя мускулами. Он был в спортивных трико и майке, накачанный и быстрый. Сержант повернулся к Наталье, и поднял руку, чтобы позвать ее пальцем. Никакой славы, как считал Семенов, эта схватка принести не могла, и потому закончить ее надо было побыстрее.

Однако в том углу, куда протянулась его рука, сидел, улыбаясь, только пожилой инструктор. И точно также улыбалась ему Наталья; только совсем из другого места. Сержант не стал командиром отделения только потому, что соображал немного потуже, чем Емельянов. Вот и теперь не насторожился. Через пару секунд он был рядом с Крупиной и тоже улыбался, протягивая вперед руку:

– Полный контакт?

Наталья кивнула и вложила ладошку в широкую и твердую ладонь Семенова. Она мгновенно пробежала пальцами по этой ладони, оценив мозоли – не грубые, скороспелые, а эластичные, рожденные многолетними тренировками. Ребро ладони было жестким, но тоже живым, не механическим наростом на костях запястья. И эта могучая ладонь утопила в себе Наташкину, сжала ее осторожно, но крепко. А потом рванула к себе и ладошку, и всю Крупину заодно. Так – на первой минуте – он хотел закончить поединок, облапив девчонку медвежьими объятьями. Крупина не захотела, или не смогла – как успел подумать сержант – сопротивляться. Она послушно дернулась к нему, только вот не ткнулась в широкую грудь, а ухитрилась чуть-

чуть изменить направление рывка, прошмыгнуть меж могучим торсом Семенова, обтянутым майкой и согнутым локтем парня – как бы не было мало расстояние между ними. Ладонь курсанта, а за ней и вся рука последовала за Натальей, неестественно выворачиваясь.

И только остановившись за его спиной, Крупина отпустила эту ладонь; резко и коротко, но болезненно заломав ее, скорее обозначив прием. Семенов, как уже отмечалось, особым умом не отличался, но сейчас и он понял, что эта боль, коротко стрельнувшая в запястье, могла быть сейчас сильнее, нестерпимее. А пока он это соображал, маленький крепкий кулачок так же обозначаяще ткнул в затылок сержанта, заставив того лязгнуть зубами. Почти одновременно жесткое ребро ладони девушки так же ощутимо обозначило красную полосу на шее курсанта, заставив его голову дернуться в обратном направлении. Наталья опять сжала пальцы в кулак и, не дожидаясь, пока голова Семенова займет вертикальное положение, обозначила еще два удара в почки. Теперь уже вполне ощутимо и болезненно, хотя и безвредно.

А потом пришла пора поработать в плане обозначения Наташиным ногам. Маленькая стопа в мягкой туфле несильно, но обидно пнула сержанта в ягодицу. Бедный сержант дернулся этой частью своего тела вперед, только чтобы не получить еще раз туда же. Вот теперь Крупина не обозначила, а резко и сильно ударила – все той же стопой – по ногам, в области коленей. Сержант грохнулся бы со стуком о деревянный пол стриженным затылком, если бы его не подхватили маленькие, но такие цепкие руки. Впрочем, эти руки все таки опустили тяжелое тело на пол, а потом сцепились в замок и обрушились на лицо Семенова. Во всяком случае так подумал он сам, закрывая глаза и съеживаясь в ожидании сокрушительного удара. Впервые в жизни он остро ощутил как медленно, тягуче движется время. В ушах громадными молотками стучал пульс, и парень уже представил, как крепкий замок сцепленных ладоней падает на его нос, заставляя его кроваво размазываться по лицу. И только когда он несмело открыл глаза, Наталья улыбнулась и ударила – по полу, рядом с головой. И сержант вдруг почувствовал – не понял, а почувствовал – что не только направление удара, но и его силу эта девчонка тоже обозначила. Что опусти она свой замок по-настоящему, в полную силу, пришлось бы кому-то здесь не только красить пол, но и менять проломленную доску.

Поддайся сержант инстинкту, он так и остался бы лежать на полу, пока противник не отойдет подальше. Однако с той стороны, где стояли его однокашники, раздался ехидный смешок. Никто из курсантов не успел понять, что их товарищ уже несколько раз должен был проиграть, остаться лежать тут в нокауте, а может, и что похуже. Его падение было воспринято как досадный промах, и смешок повторился, уже поддержанный другими. Поддержанный несмело, потому что рядом сидел с поскучевшим лицом генерал-майор. Уж он-то понял, что сегодняшнее пари проиграл. Ротный тоже оценил мастерство Крупиной, но сидел с невозмутимым лицом, ожидая команды начальника. И только тренер оценил все в полной мере. Оценил, но не одобрил. Потому что победа и ему, и главное – самой Наталье – нужна была зрелищной, не вызывавшей никаких сомнений. И Наташа словно поняла его. Она отступила в сторону ротного командира, сжавшего рукой спинку стула.

Сержант вскочил на ноги ловко, по-киношному – одним броском с прогибом. Он бросился на Крупину под одобрительный ропот товарищей. Только Басмач сейчас молчал; пожалуй, он все таки болел за Наталью. А она, если бы захотела, остановила бы этот живой таран встречным ударом, броском на месте, другими приемами, отточенными в многочисленных спаррингах.

– Но зачем? – задала она себе вопрос, успев пожать плечами и отступив в сторону.

Ровно на столько, чтобы Семенов, бешено размахивающий конечностями, даже случайно не задел ее. Ее руки и ноги тем временем словно работали сами – точно и уверенно. Они придали пролетающему мимо телу строго горизонтальное положение и еще большую скорость. Сержант все таки успел сообразить, что размахивать руками бесполезно и обхватил ими голову, которая летела прямо в крашеную кирпичную стену. Но Наталья знала, куда направить эту

живую торпеду. Семенов с грохотом врезался в стул, заставив капитана отпрыгнуть в сторону со спинкой в руках.

Сержант сел, потерянно трясая головой. И снова кто-то невидимый внутри него предательски зашептал:

– Брось, сдавайся!

Он опять тряхнул головой – теперь уже упрямо – и встал, сжимая в каждой руке по ножке от стула. В умелых руках это было страшным оружием. Это, конечно, были не нунчаки, которыми Семенов владел виртуозно, но и они удлиннили руки сержанта на целых полметра. Он теперь подступал к девушке осторожно; палки в его руках не останавливались, сплетая сложную вязь, которую, казалось, пробить голыми руками невозможно.

Генерал бросил взгляд на тренера. Майор сидел совершенно невозмутимо и, кажется, даже немного улыбался. Крупина тем временем кружила по залу и отступала от деревянного оружия, которое все резче, уже со свистом рассекало воздух. Наконец она решила, что зрители достаточно завелись, и остановилась. А сержант не смог бы остановиться, даже если бы захотел. В зале дважды громко треснуло – после того, как ножки поочередно обрушились на девичьи руки. Отделение испуганно замолчало. Даже Емельянов поверил, что это хрустели человеческие кости.

Но уже через секунду на пол шлепнулись обломки ножек, укоротившихся больше, чем на половину. А руки Крупиной вытянули у сержанта их остатки. Семенов практически не сопротивлялся. Эти обломки тоже громко упали на деревянный пол, а крепкий кулачок внешне не сильно ткнулся в промокшую от пота майку Семенова. Тот отскочил назад на несколько шагов, зашипев от боли, а Наталья была уже рядом. И еще один удар потряс его, и снова сержант отскочил. Еще пару таких ударов, и он бы впечатался спиной в стену; если бы не упал раньше.

В тишине громко проскрипел стул под генерал-майором. Он встал и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. А потом скомандовал:

– Довольно.

Через неделю начальник подписал приказ о зачислении курсантов на первый курс. Примерно посреди длинного списка, согласно алфавита, своим женским окончанием бросалась в глаза фамилия: «Крупина Наталья Юрьевна».

Глава 3. Подмосковье

Охотники. Последний в жизни спектакль

В большой гостиной богатого подмосковного особняка горел камин. Негромко потрескивали сухие березовые дрова. Двое мужчин сидели, развалившись в креслах. Они протянули ноги к огню – слишком близко, учитывая, что обувь на ногах была дорогой, модельной. Да и весь облик собеседников говорил о богатстве, сытости, уверенности. Однако опытный взгляд смог бы определить, что небрежность, с которой эти люди носили свою шикарную одежду; часы, стоящие целое состояние, которые один из мужчин крутил на пальце, не глядя на них – так вот: эта небрежность была не приобретенной длинной вереницей предков, или хотя бы вдолбленной с детских лет. Хозяин и его гость так же естественно чувствовали бы себя, сидя на корточках у таежного костра, в казенной телогрейке. Тем более, что такой опыт они имели, и весьма богатый.

Однако к хорошему люди привыкают быстро. Возвращаться к старой эковской жизни не собирался ни хозяин – Николай Иванович Крючкин по кличке Крюк, ни его гость – Федор Михайлович Некрасов; он же Топор. Кличку Топор получил в те давние времена, когда они давались раз и навсегда. Некрасов свой первый срок получил после того, как погонял с топором в руках по улицам родного городка прохожих. В пьяном виде, конечно. Задеть он никого не задел, однако среди пешеходов, которые бросились от него врассыпную, оказались городской прокурор с супругой. Федор Михайлович – тогда просто Федька – отмотал по полной, пять лет. В колонии, где стал Топором и познакомился с Крюком.

Крюк уже тогда был вором в законе. Крепкого парня он приметил и взял под свое крыло. Так, вместе, они и шагали по жизни. Сначала воровской, а потом, с приходом в Россию капитализма, по той, что скрыта от взглядов простых людей за воротами многоэтажных особняков и дверцами шестисотых «Мерседесов». Так что Топор был не обычным гостем – он был правой рукой хозяина, той, что отвечала за силовые операции. Именно поэтому Крюк вызвал его на этот ночной разговор.

Крюк уже успел навешать на уши гостю гору лапши о тех козлах, что не заслужили в этой жизни теплого места под солнцем – о новых русских, не пролежавших на нарах даже одной минуты. О тех, кого и газеты, и народ в последнее время называл олигархами. Топор слушал внимательно. Он знал, что из подобной лапши Крюк в конце концов сварит густой наваристый суп.

– Вот один из них, – наконец перешел к делу хозяин, протягивая фотографию.

Человек на фотографии был совершенно обычной наружности. И Топору он был смутно знаком. Скорее всего он видел этого мужика на телеэкране, но мельком – на втором, или даже третьем плане.

– Николай Яковлевич Куделин, – пояснил Крючкин, – делает бешеные бабки на оружии. Есть информация, что он задумал что-то грандиозное. У него есть товар. Такой товар, что покупателей во всем мире найдется трое или четверо, не больше.

– Какой? – позволил себе перебить хозяина Топор.

– Еще не знаю. Зато узнал, кто нашел покупателей и договаривается с ними.

Крюк протянул еще одну фотографию. Этого человека Топор видел часто – тоже на телеэкране. Он и на фотографии был изображен с бывшим премьером Правительства России. Иван Николаевич Стасов попал в кабинет министров страны еще в восемьдесят первом году и с тех пор из него не выходил. Он менял должности и министров, заместителем которых был – его словно передавали по эстафете. И каждый раз новая должность была связана с экспортом оружия. В коридорах власти Стасова давно называли «непотопляемым». Однако лишь единицы

знали, кто своим могучим плечом подпирает его, придает ему плавучесть. Это имя Крюк сейчас и озвучил – Николай Яковлевич Куделин.

– Покупателей пока трое – арабский султан, ассоциация японских банков и какая-то темная лошадка из Соединенных Штатов. На днях будет торг. Где и когда, неизвестно.

Топор недоверчиво покачал головой. А Крюк продолжил:

– Информация точная, – правильно понял жест помощника Крючкин, – случайная, но точная. А он, – жесткий палец ткнулся в физиономию «непотопляемого» на фотографии, – знает о месте и времени. А может и о том, что хочет толкнуть за бугор Корелин. У него мы и узнаем. Ты узнаешь.

– Я? – удивился Некрасов, – да меня к Белому дому и близко не подпустят.

– Меня тоже, – засмеялся Крюк, – да нам туда и не надо. Послезавтра этот хмырь будет подписывать какой-то договор в Коврове.

– Это где мотоциклы делают? – уточнил Топопр.

– Там, – кивнул Крючкин, – там ты его и возьмешь. Только надо все это обмозговать. Мы тут никак не должны быть замешаны. А его хозяин, – Крюк опять пощелкал пальцем по фотографии, – должен быть уверен, что его не выпотрошили. Да – после того, как выпотрошишь этого непотопляемого, ты его выпустишь. С чистой мордой. Самый лучший Склифосовский в Москве не должен догадаться, что его кололи.

– Как же его колоть-то? – огорчился Топор.

– Давай думать...

Раздумья были долгими. Наконец Топор встрепенулся; он взял фотографию Стасова в руки, поднес ее поближе к глазам. и негромко засмеялся:

– Знаешь, на кого он похож?

– На кого? – заинтересованно повернулся к нему Крючкин.

– Карандаш есть? – ответил вопросом на вопрос Топор.

Вместо ответа Крючкин подал ему на стол папку. Под кожаной крышкой в ней были сложены толстой стопкой чистые листы бумаги; в специальных гнездах – как патроны в газырях горцев – торчали авторучки, карандаши и фломастеры. Топор выбрал темно-серый фломастер и стал пририсовывать заместителю министра шевелюру. «Непотопляемый», в жизни успевший обзавестись обширной лысиной, сейчас с помощью Топора стал обладателем шикарной прически.

– Узнаешь? – наконец закончил Некрасов.

Крюк всмотрелся, помедлил, но все таки покачал головой.

– Велосипедика помнишь?

Крюк вспомнил, и поразился удивительному сходству двух людей, стоящих на разных краях социальной лестницы – заместителя российского министра и некогда скандально известного гомосексуалиста. Велосипедик был волосат; по крайней мере на голове. Потому он и превратился из волосатого педика в Велосипедика.

Крюк с Топором переглянулись и расхохотались в полный голос. А кто им мог запретить сделать это, хотя на часах шел уже третий час ночи? Ближайший сосед находился в трехстах метрах от этого особняка, и тоже никогда не ложился спать рано.

Одна часть операции уже прорисовывалась. Другая тоже только что родилась в изошренном мозгу Крюка.

Хозяин остался у камина – подгонять друг к другу детали плана. А Топор поспешил на улицу – в промозглую тьму, где его ждал теплый уютный салон «Мерседеса» с водителем и двумя бойцами. Автомобиль мягко тронулся с места и помчался к Москве, где в баре «Голубая мечта» проводил (или проводила) все свободные вечера Велосипедик.

Он и сейчас был у барной стойки. Накрашенный, нарумяненный, с длинными поредевшими волосами, уложенными по последней моде – но один. Толстый слой румян, яркая губ-

ная помада и накладные ресницы плохо скрывали его возраст. Желаящих порезвиться с такой «красоткой» этим вечером в баре не наблюдалось. Потому он и обрадовался Некрасову, как родному. Топор знал Велосипедика, этого стареющего представителя древнейшей профессии нетрадиционной ориентации, очень давно. Не как клиент – как бывший покровитель. Раньше, когда «Голубая мечта» была просто «Мечтой», обычной общепитовской кафешкой, Велосипедик жил и промышлял в другом районе. Там, где все держал Крюк; через Топора, конечно.

Велосипедик действительно обрадовался Топору. Наверное, он уже не первый вечер сидел вот так, в одиночестве. Но Некрасов любезностями обмениваться не стал. Тем более – ударяться в воспоминания. Потому что время поджимало. За ночь ему надо было сделать очень многое.

– Дело есть на тыщу баксов, – сразу взял он быка, то есть Велосипедика, за рога.

Тот поперхнулся коктейлем. Глаза старого гомосексуалиста повеселели. Он знал, что Топор словами и обещаниями не разбрасывается. Велосипедик стряхнул с лица выражение томности. Сейчас он – сотри с лица слои «штукатурки» – был бы похож на обычного мужика средних лет, потрепанного жизнью.

– Срочно нужно кино. Из вашей жизни – минут на десять-пятнадцать.

– Артистов много? – деловито поинтересовался Велосипедик.

– Ты и пара ребят – покрепче и пострашнее.

– Есть такие, – улыбнулся волосатый постоялец «Голубой мечты».

Он встал, поискал кого-то глазами, и радостно закричал:

– Женечка, Николаша! Идите сюда, дело есть.

к столику подошли два качка. Здоровенные, нахальные; с голодным блеском в глазах.

Топор достал пухлый бумажник и вынул из него десять сто долларовых бумажек. Две стопки по пятьсот долларов легли на стойку. Глаза Женечки и Николаши блеснули еще жаднее, но сами они не двинулись с места. Каким бы маленьким не был их жизненный опыт, он подсказывал им, что эти деньги надо еще заработать.

Некрасов быстро объяснил парням, какая работа их ждет. Женечка согласился сразу. Николаша сначала посмотрел на Велосипедика, чуть заметно поморщился и тоже кивнул.

У Крюка был человек – мастер на все руки, а главное – надежный. К нему и повез Топор актеров одной роли. Человек жил в просторной квартире на шестом этаже дома, занимавшего полквартиры. В большую, почти пустую комнату, Топор пустил только хозяина квартиры и Велосипедика. Пожилой гомик был усажен на стул, а человек стал внимательно изучать фотографию «непотопляемого». Наконец он молча кивнул, вернул фотографию Топору и вышел из комнаты.

– Сейчас тебя постригут и переоденут.

– Постригут?! – ужаснулся Велосипедик.

– Надо, Леша, – вспомнил его имя Топор.

Леша поник плечами. Он был уже не рад неожиданному приработку, однако перечить Топору не посмел. Человек вернулся очень быстро. В руках он держал одежду и комплект парикмахерских принадлежностей. Уже через двадцать минут Некрасов одобрительно кивнул – перед ним сидел не Велосипедик, а чисто вымытый, одетый в привычную тройку заместитель министра, который осторожно поглаживал свежобретенную лысину.

Человек не дал ему полюбоваться в зеркало; он вышел по кивку Топора, за видеокамерой. Следом вышел и сам Некрасов, подхвативший все лишнее. В комнате остался только лысый «актер», тоскливо ожидавший своего выхода на сцену. А Женечка с Николашей ожидали того же в соседней комнате. Ждали с довольными физиономиями – они получили по полтысячи баксов только за то, что прокатились на «Мерседесе» по улицам ночной Москвы. Топор успел достать еще раз пухлый бумажник, и помахать перед парнями его содержимым.

– После съемок, мужики, еще по тыще. Только надо постараться. Значит так, – начал он тоном бывалого кинорежиссера, – нужна сцена грубого насилия. Чем грубее, тем лучше. Только без мордобоя. Морда у актера должна быть чистой; она еще пригодится.

– Понятно, – дружно закивали Женечка с Николашей.

– Тогда начали, – Топор подтолкнул их в спину – в комнату, в которую они не решались войти.

Велосипедик имел уже достаточно испуганный вид. Когда же Женечка смахнул его могучей рукой со стула на пол, он скорчил лицо так выразительно, что стоящий в коридоре Топор понял – через мгновение он заплачет. Однако накачанные «артисты не дали Леше сосредоточиться на своем бедственном положении. Один из них стал грубо – с вырыванием пуговиц – стаскивать брюки с лже «непотопляемого». Другой расстегивал свои. Скорчившаяся на полу жалкая фигура вряд ли смогла бы возбудить обычных парней. Однако Женечка с Николашей обычными не были, иначе зачем бы они отирались в «Голубой мечте»?

Топор поморщился, когда они достали свои «реквизиты» – уже готовые к съемкам – но не отвернулся. А человек с видеокамерой оставался невозмутимым. Топор предполагал, что он видел и более душераздирающие картины. Он сновал с камерой по комнате, перебегая от головы Велосипедика, где пристроился Женечка, к задней его части, где с энтузиазмом трудился Николаша.

Велосипедик, или Леша, начал шумно дышать. Извращенное естество победило испуг; теперь он получал наслаждение.

Некрасов в один момент понял, что отснятого материала уже больше, чем достаточно, но не остановил съемки – пусть Велосипедик получит кайф. В последний раз в своей никчемной жизни. Наконец все трое кончили – почти одновременно. Закончили бурно, с рычанием и всхлипами. Некрасов вошел в комнату с аплодисментами.

– То что надо! – воскликнул он, оттопыривая большой палец правой руки, – все заслужили премиальные.

– Премиальные! – взревели Женечка с Николашей, перестав поправлять одежду.

– Сейчас принесу ведомость, окончательно сразил их Топор, и вышел вместе с человеком их комнаты.

«Ведомость» у него была весьма своеобразная; она состояла из двух частей – пистолета и длинного глушителя к нему. Он докрутил глушитель, дослал патрон в патронник и опять шагнул на «съемочную площадку». Женечка и Николаша успели испугаться, поняв, какие свинцовые премиальные приготовил для них наниматель. Сухо треснули четыре выстрела. Парни упали рядом с Велосипедиком, который только теперь открыл глаза. Он наверное так и не понял последних слов Некрасова:

– Прости, Леша, но таковы правила игры.

Для старого знакомого Топор не пожалел трех патронов. Два бойца и человек в другой комнате конечно слышали совсем негромкие хлопки выстрелов. Но никто из них не посмел даже заглянуть сюда без разрешения. Некрасов наконец позвал их, убедившись, что никто из «актеров» не дышит. Теперь пришел черед потрудиться бойцам. Они привычно упаковали трупы в длинные черные пакеты. Казалось вынести незаметно эти зловещие кули с шестого этажа жилого дома совершенно невозможно. Однако технология тайного спуска криминального груза была проста и давно отработана группой Топора.

Окна комнаты, где лежали три готовых к транспортировке трупа, выходили на заброшенный пустырь. По проекту здесь давно должен был разбит сквер с тенистыми деревьями, чистыми дорожками и крашеными лавочками. Пока же густая растительность росла тут сама, без всякого плана и особенно густо – как раз под нужным окном. Хозяин квартиры уже спускался на лифте в подземный гараж, где его всегда ждал микроавтобус с мощным фордовским двигателем. Топор с бойцами вышли позже – ровно на столько, чтобы успеть сбросить мешки

со страшным содержимым в них, в густые кусты, да еще пошутить насчет сохранности груза. Так что к кустам они добрались одновременно – тройка Топора, обогнувшая дом с одной стороны, и негромко фырчащий «Форд» с другой.

Пустырь был излюбленным местом игр и прогулок местной молодежи разных возрастов, но только до наступления темноты. А немногие подозрительные личности, что рисковали появляться тут ночью, вряд ли стали заявлять куда следует – даже если бы увидели, как бойцы сноровисто грузят мешки. «Форд» взревел теперь громче, и повез Топора и его свиту – живую и мертвую – на последний этап операции. Какой-то особо циничный шутник из своих как-то назвал этот этап приготовлением бутерброда, и название прижилось. Группы Некрасов с подручными прятали на кладбище – там, где прикормленный сторож всегда держал наготове пару свежерытых могил.

Работа была грязной, но хорошо оплачивалась. Бойцы, которым сейчас предстояло повозиться в земле, весело переговаривались. Те две пачки по полтысячи баксов, которым так радовались Женечка с Николашей, уже грелись в их карманах. Парни беспрекословно спрыгнули в могилу, куда светил Топор, и вырыли в ней вторую, куда с трудом поместилось три куля. Потом дно прямоугольной ямы, которой предстояло уже завтра принять законного «постояльца», тщательно выровняли, утрамбовали, и Топор придирчиво принял работу. Таких «бутербродов» на этом кладбище было немало; абсолютное большинство из них «приготовил» как раз Некрасов.

«Форд» вернулся к многоэтажке, где подручных Крюка ждал «Мерседес» с водителем. Топор с бойцами заняли привычные удобные кресла, и оба автомобиля помчались через ночную Москву, и дальше – к загородному особняку Николая Ивановича Крючкина...

Хозяин встретил Топора с хитрой довольной улыбкой. Он явно не сидел сложа руки. Однако сначала внимательно выслушал подручного и пару раз просмотрел видеокассету. Крюк довольно кивал, даже хохотнул немного, явно представив себе, как этот «фильм» будет смотреть настоящий заместитель министра. А потом раскрыл Топору все подробности предстоящей операции.

Топор слушал так же внимательно. Он захохотал, когда хозяин наконец закончил.

– Здорово придумал, – воскликнул он, – может получиться!

– Должно получиться! – с нажимом ответил Крюк, – тем более, что главным актером теперь будешь ты.

– Светиться?! – испугался Топор, – меня же через пятнадцать минут вычислят, а еще через пять выйдут на тебя.

– Не вычислят, – успокоил его хозяин, – возьмешь с собой Валеру (так звали человека, мастера на все руки) – он тебя так разрисует, сам себя в зеркале не узнаешь.

Топор смирился; он знал, что возражать бесполезно. А еще понимал, что Крюк затеял такую игру, что вмешивать в нее посторонних... Да и не было среди бойцов Топора таких актеров, что смогли бы сыграть роль так, как нужно. А в себе Топор почему-то не сомневался. Он был уже на кураже и, зная себя, как никто другой, понимал – теперь его никто и ничто не остановит. Разве что тот же Крюк.

– Держи, – протянул ему Крючкин бумажный листок, – этот человек в Коврове сдает надежную квартиру. Ребят ему не показывай, а тебя пусть Валера заранее немного подмажет. Бумагу доставали не для меня, так что там не должно остаться ни одного следа.

Крюк вышел в другую комнату; вернулся через минуту с большим чемоданом старого, еще советского образца, который в этой роскошной зале смотрелся очень неуместно.

– Смотри, – подозвал хозяин Топора к столу, на который водрузил чемодан, – это тебе, сюрприз.

Под жесткой, обтянутой дерматином крышкой лежало оружие. Некрасов никогда не видел таких автоматов – коротких, со стволами прямоугольного сечения. Но сейчас он сразу

почувствовал, какую невероятную мощь они таят в себе. Топор был равнодушен к таким «железкам», и Крюк знал это.

– Бери, бери, – засмеялся он.

Топор взял в руки один из четырех стволов, ловко пристегнул рожок. Теперь, когда автомат был готов к стрельбе, он сидел в руке, как влитой.

– Удобна штука, – с улыбкой заметил Крюк, – пистолет-пулемет «Бизон». Возьмете с собой на всякий случай.

Некрасов защелкнул никелированные замки чемодана, так и не выпустив из рук оружия. Хозяин проводил его на крыльцо.

– Поедете вчетвером, – приказал он, – водилу с «Мерсом» оставишь здесь, прямо сейчас.

Рядом с микроавтобусом любовался новыми автомобильными номерами Валера. Родные, московские, он держал в руках. На чистых же, незапятнанных пока дорожной грязью номерах выделялись две тройки – серия Владимирского региона, где и находился славный город Ковров. Славен он был прежде всего тем – как подумал Топор – что был первой ступенькой на путь к сказочному богатству... или смерти.

«Форд», негромко рыкнув, резво помчался в ночь, держа путь на кольцевую автодорогу и дальше, на Горьковское шоссе. На крыльце остался один Крючкин, не замечавший холодной ночи. Старый вор не знал – радоваться ему столь успешному началу операции, или страшиться ее непредсказуемого финала.

Глава 4. НаХабино. Подземный бункер Дичь. Заместитель министра Стасов

Заместитель министра промышленности Иван Николаевич Стасов по кличке «Непотопляемый» не хотел ехать в Ковров. Нет, с этим городом его не связывали никакие неприятные воспоминания. Он вообще ни разу не был в Коврове, хотя продукцию его оборонных предприятий знал хорошо. Так хорошо, что это позволяло его внукам учиться в престижной частной школе. Да не в России, а в Англии. Школа предоставляла полный пансион, но на уик-энды внук и внучка Стасова отдыхали в старинном особняке – в том же городе. Этим особняком собственность «Непотопляемого» за пределами родины не ограничивалась. Российское оружие всегда ценилось за свою надежность и относительную дешевизну.

Впрочем, покупатели обычно платили больше, чем было указано в договорах. Разница шла в бездонные карманы тех, кто это оружие даже ни разу не видел – только торговал им. Посредники в этом бизнесе во всем мире имели неплохие проценты, но мало кому из них даже снились те суммы, которые оседали в карманах Стасова. В то же время сам Иван Николаевич мог только завидовать доле Николая Яковлевича Куделина – Хозяина. Так Куделин Стасов называл про себя; вслух же только по имени-отчеству. Клички же, или прозвища, у Хозяина не было. Может потому, что о самом существовании этого человека мало кто знал.

Еще на первые свои проценты в оружейном бизнесе Куделин купил по дешевке ставший ненужным бывшей Советской Армии запасной военный пункт Московского военного округа. Совсем скоро на окраине подмосковного Нахабина выросла нарядная двухэтажная дачка; очень скромная по сравнению с маршальскими и генеральскими, что облюбовали себе этот уголок Подмосковья. Она и скрыла под собой мощное подземное сооружение.

Тех денег, что отвалил за командный пункт Николай Яковлевич, не хватило бы даже на покупку цемента, что ушел на его строительство. Однако продавцы были безумно рады – большая часть оплаты, как водится, была произведена наличными, без всякого упоминания в документах. Краснощекий, бодрый еще генерал нахваливал товар, словно продавец на рынке. Он захлебывался от восторга и собственного красноречия, показывая центр подземной цитадели.

– Здесь, – говорил он, обводя все вокруг руками, – вас вряд ли достанет даже прямым попаданием атомной бомбы. Так что считайте себя в большей безопасности, чем у Христа за пазухой.

Куделин одобряюще кивал. Он уже видел эти бетонные стены облицованными благородным итальянским мрамором; видел новую обстановку кругом, и даже ощущал под ногами вместо коричневого потрескавшегося линолеума теплый густой ковер.

В этом зале и сидели сейчас Куделин со Стасовым.

– Ты это брось, – добродушно нахмурил брови Хозяин, – поезжай обязательно. Раз пропустишь, другой. А потом что – по миру идти?

Стасов несмело улыбнулся. Он не мог даже представить себе такого катаклизма, который пустил бы по миру его собеседника. В его представлении это Хозяин скорее был способен пустить тот самый мир... с протянутой ладошкой. Только через его «непотопляемые» руки в карман Куделина перетекло столько валюты, что цифра эта была сопоставима с бюджетом страны. К тому же, как небезосновательно предполагал Стасов, оружейный бизнес был не единственным источником доходов хозяина бункера.

Иван Николаевич попытался слабо возразить:

– Но я уже договорился о замене с премьер-министром, с и.о. – по состоянию здоровья, так сказать.

– А ты перезвони, батенька – вон и телефончик есть, – теперь уже недовольно посоветовал хозяин, – у нас с этими филиппинцами скоро неплохой романчик может завестись, миллионов на пятьсот-шестьсот. Так что не поленись, прокатись в этот Ковров.

Голос Куделина стал непреклонным, и словно в ответ на звякнувший в этом голосе металл, за его спиной зашевелился телохранитель. Горелый – так называл свою безмолвную тень Хозяин – всегда находился за его спиной. Однажды Стасову пришла в голову крамольная мысль – как Горелый пристраивается на своем обычном месте за правым плечом Хозяина, когда том садится на унитаз. Тогда он постарался сразу же прогнать эту мысль, забыть о ней. Но одного он не смог забыть, и наверное не забудет до конца своих дней – истинного обличья Горелого.

Обычно телохранитель, человек среднего роста, который казался Геркулесом только что разве рядом с Куделиным – маленьким, кругленьким во всех местах, где только это возможно – сохранял абсолютное спокойствие на лице. Его неизменную бледность подчеркивали черные костюм, перчатки и очки на лице. Единственный раз на памяти Стасова – еще в самом начале их с Куделиным совместной работы – Горелый покинул свое обычное место.

Тогда напротив Хозяина стоял, насмехаясь, известный уголовный авторитет. В чем-то его путь пересекся с дорожкой Куделина, и старый вор не захотел уступать. Огромный, самоуверенный, он уже высказал свои претензии и теперь ждал ответа. Куделин ответил – совсем не так, как ожидал авторитет. Хозяин махнул пухлой ручкой и в дело вступил Горелый. Вор в законе наверное так и не успел понять, как телохранитель оказался рядом. Горелый взмахнул рукой... В следующее мгновение огромное тело упало на густой ковер, чтобы уже никогда не подняться. Даже неопытный в таких делах Стасов понял это, увидев, как неестественно вывернута набок мощная шея лежащего на ковре человека.

Куделин отнесся к этому совершенно спокойно. Так же спокойно он сказал Ивану Николаевичу:

– Так будет со всяким, кто мешает мне. Когда-нибудь тебе, Николай Яковлевич, покажется, что твой процент слишком маленький и ты попытаешься обмануть меня. Тогда к тебе придет Горелый.

Он кивнул телохранителю, и тот снял очки. Стасов содрогнулся – глаза под ними были страшными, пустыми, обрамленными давним плохо зарубцевавшимся шрамом. Ресниц и бровей у Горелого не было. Стасов с трудом оторвал взгляд от этих глаз на руки телохранителя, который как раз неторопливо стягивал перчатки. На руках тоже не было ни клочка живой неповрежденной кожи. Давний ожог зарубцевался очевидно без всякого медицинского вмешательства. И этой рукой Горелый провел по своему гладкому незагорелому лицу, стирая с него косметический крем. Сожженное когда-то лицо Горелого было жутким само по себе. Однако с полосами крема оно едва не заставило Ивана Николаевича потерять сознание, когда телохранитель вдруг улыбнулся ему...

Совсем недавно Николай Иванович смотрел дома видеофильм. Смотрел со внуками, и малыши испуганно жалась к деду с двух сторон всякий раз, когда на большом цветном экране появлялось лицо Фредди Крюгера. А дед, прижимая к себе их худенькие тельца, внутренне усмехался, лениво разглядывая маску киношного монстра. Но сейчас Горелый стоял рядом; он был живым, до него можно было дотронуться рукой.

По новому кивку Хозяина телохранитель легко подхватил огромное тело и вынес его из зала. А когда вернулся – опять с гладким лицом, в перчатках, очках и парике – Стасов дал себезарок никогда не обманывать Куделина; ни в чем ему не перечить.

Поэтому сейчас Иван Николаевич только глянул на Горелого и поспешил к телефону. Он не удивился, что на аппарате нет ни наборного диска, ни кнопок. Он только поднял удобную трубку, и в ней тут же послышался голос исполняющего обязанности главы правительства.

Сановный собеседник ничуть не удивился, когда Иван Николаевич бодро доложил, что вполне здоров и готов завтра же выехать в Ковров.

Рано утром два новеньких «Вольво» с правительственными номерами понеслись по Горьковскому шоссе, по которому четырьмя часами раньше проехал белый «Форд» с новенькими владимирскими номерами.

Глава 5. Ковров. Проходные завода имени Дегтярева Охота на дичь

По московским меркам коттедж был маленьким и неудобным. Впрочем, как и весь городишко. В комнатах стояла только самая необходимая мебель. Покрывавшую все пыль никто перед их приездом не удосужился вытереть. Хозяин коттеджа, оставивший ключи в условленном месте, должен был появиться тут только через неделю.

Однако большой холодильник «Стинол» был полон. Его содержимое вполне позволяло четверем не самым мелким мужчинам протянуть дня четыре. Но Топор столько времени в Коврове задерживаться не собирался. Договор, который сегодня должны были заключить Иван Николаевич Стасов с представителями министерства обороны Филиппин, широко не афишировался. Однако Топор знал и о дате проведения переговоров, и о времени – четырнадцать часов, и о месте. Самый крупный завод города – оружейный, имени Дегтярева – принимал сегодня высоких гостей. Еще Некрасов знал, что ровно в пятнадцать ноль-ноль по московскому времени у центральных проходных завода московский и филиппинский гости должны дать короткие интервью. Корреспондентов пригласили проверенных, таких, что задают только нужные вопросы. Скорее всего один из них и слил информацию Крючкину.

Впрочем, последнее Топора не интересовало. За долгие годы работы с Крюком он привык, что тот любую информацию трижды проверяет и перепроверяет. Поэтому он сейчас на сто процентов был уверен, что ровно в три часа дня в намеченном месте состоится брифинг. А уж сделать так, чтобы это мероприятие, названное по новомодному, завершилось по сценарию Крюка, было задачей Топора.

Около девяти часов Некрасов отправился в разведку. Он так и сказал: «В разведку», – оставляя в коттедже двух бойцов. Валера, доверенный человек Крючкина, уехал еще раньше. Ему сегодня предстояло поработать не меньше самого Топора, а уж знать улицы и переулки Коврова к трем часам он должен был знать лучше коренных ковровчан.

Совсем рядом с бывшим пустырем, где выстроились, и продолжали строиться коттеджи, было троллейбусная остановка. Людей там, как и предполагал Топор, было совсем немного. Две бабушки охотно подсказали ему, как доехать до завода. Точнее подтвердили то, что Топор и сам уже знал – все эти подробности Крюк раздобыл еще в Москве.

Две остановки он проехал в почти пустом троллейбусе четвертого маршрута. На конечной, где он пересел на «двойку», пассажиров было немногим больше, что было очень кстати. Дело было в том, что Топор в последний момент не выдержал, и взял с собой автомат. Он так удобно и незаметно поместился по плащом, что Некрасов решил рискнуть. Три других «бизона» остались в коттедже. А бойцам он строго настрого запретил появляться с оружием во дворе.

– Значит так, – сказал он, прежде чем вышел из дома, – смотреть за окрестностями, а главное – за оружием. Если что случится, своими руками яйца оторву, а Крюк – все остальное. Понятно?

Бойцы дружно кивнули, а Топор ушел, прижимая к боку согретый под плащом «Бизон». Сейчас он сидел на обтертом сидении троллейбуса, ощущая подмышкой приятную тяжесть оружия и удивляясь дешевизне провинциального транспорта. Потом он еще немного поудивлялся – тому, как просто и без затей ковровские власти когда-то называли городские улицы. Троллейбус катил по Комсомольской улице с остановками на Кирова, поселке Двадцать пятого октября и подобными им. Потом – после остановки на площади Двухсотлетия Коврова Комсомольская плавно перешла в проспект Ленина с остановками: улица Коммунистическая,

площадь Победы, улица Шмидта... Словно этот второй маршрут ковровского троллейбуса по-прежнему пролегал по шестидесятым-семидесятым годам.

Наконец четкий и радостный, явно записанный женский голос объявил:

– Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – завод имени Дегтярева.

Вместе с Топором вышли почти все пассажиры, но только он повернул к заводу. Остальные поспешили через дорогу, и дальше – в сторону железнодорожного вокзала. Это Топор тоже знал. Он неторопливо направился к проходным, внимательно приглядываясь к рекламным щитам, разделяющим широкую подъездную дорогу надвое. Раньше, как правильно догадался Некрасов, эти щиты украшали портреты передовиков социалистического соревнования. Теперь ни социализма, ни соревнования не осталось.

– Наверное и передовиков тоже, – он внезапно почувствовал ностальгию по далеким временам, когда он еще не был Топором и рассердился на себя – такому настроению перед операцией было не место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.